

АРХИВ ПУСТОТЫ

Игорь ВЕРЕСНЕВ
Юлиана ЛЕБЕДИНСКАЯ

НАУЧНАЯ
ФАНТАСТИКА

**Юлиана Лебединская
Игорь Вереснев
Архив пустоты**

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6607082
Архив пустоты: Эксмо; М.; 2014
ISBN 978-5-699-69126-5

Аннотация

Двадцать четвертый век...

Казалось, череда технологических прорывов, совершенных в прошлом, привела человечество к Золотому веку. Квантовые компьютеры, дешевая энергия, материалы с невиданными свойствами, синтетическая пища. Но стремительный прогресс истощил природу. Экологическая катастрофа поставила планету на грань гибели. Чтобы найти выход, лучшие умы Земли собрались в Крыму, в закрытом защитном куполом Наукограде. В нем живут только ученые, которым нет дела до остального населения мира, так называемых «обдолбов». Пусть «обдолбы» безудержно потребляют легальные симуляторы, предаются низменным развлечениям и бездельничают – элита Наукограда работает не ради них, а ради будущего. Но будущее непредсказуемо, и над Наукоградом нависает угроза уничтожения...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Игорь Вереснев, Юлиана Лебединская

Архив пустоты

Пролог

Снежинки таяли на чёрных кудрях. Их сёстры кружили в воздухе, опускались на асфальт, покрывая его прозрачным белым ковром, который тут же украшался цепочкой следов. Девушке в оранжевой жилетке дворника не было дела ни до снеговых ковров, ни до следов – и то и другое нещадно сметалось проворной метлой. Вечерние прохожие, спешившие в метро, оборачивались, засматривались на молодую красивую дворничиху. Осанка гордая, глаза большие и синие, волосы длинные, густые, фигура... фигура скрыта под бесформенным пуховиком и жилеткой, но почему-то не оставалось сомнений, что с этим у девушки тоже всё отлично. Ей бы на подиуме дефилировать, а не улицы подметать. Зелёный юнец попытался с ней флиртовать, солидный мужчина в кожаном пальто предложил подработать в другом месте – более уютном и тёплом, две тётки, проходя мимо, фыркнули.

И лишь один парень наблюдал за дворничихой молча, на расстоянии – с автобусной остановки. Прошло четверть часа, прежде чем он решился подойти к незнакомке. Он не знал, что ей скажет, да и скажет ли что-нибудь. Но стоило приблизиться к красавице с метлой, как слова вырвались сами:

– Девушка, вам помочь?

Она внимательно на него посмотрела, и парень стушевался под пристальным, оценивающим взглядом. Он уже собрался извиниться и ретироваться, когда девушка улыбнулась. И медленно ответила:

– Пожалуй, да. Помоги.

Глава 1

Наукоград Калиеры

День выдался тяжким – а каким он ещё может быть у старшего ловца? Затылок ломило от усталости и напряжения, но Огней Корсан знал прекрасно: если сейчас лечь спать, сон всё равно не придёт. Единственное спасение – выйти во двор, постоять в тишине и темноте, ни о чём не думая, посмотреть на звёзды, подышать свежим воздухом Калиеры. Мало кто из жителей Наукограда способен оценить, какая это привилегия – тишина, темнота, чистый воздух. Привыкли. В мегаполисах внешнемирцев и звёзд не разглядишь, какая уж темнота! Назойливая реклама лезет в глаза и уши, вместо воздуха – смрад от заводских труб и мусорных свалок, щедро сдобренный «ароматизаторами» и «освежителями». А за стенами мегаполисов... Впрочем, там жизни нет.

Марину Корсан увидел издали – та шла по ярко освещённой дорожке между коттеджами. Спешила, бежала почти. Домой торопилась с прогулки – вот уж кого внешним миром не напугаешь. Самого Огnea девушка видеть не могла – дикий миндаль, растущий вдоль забора, прятал его двор в тени. Да и не смотрела она по сторонам. Испугается, если окликнуть? А если молча открыть калитку и выйти навстречу? С удивлённым видом: «Ба, какие люди!»

Ни первого, ни второго он сделать не успел.

– Марина?! Ты где была? – Профессор Ирвинг Гамильтон шагнул из бокового проулка наперерез дочери. – Дозвониться до тебя не могу!

– Я только что вернулась.

– Снаружи?! А время видела? Ты же опоздать могла! Что это? – Гамильтон вырвал из рук дочери пластиковый пакет. – Ты это ела?!

Марина фыркнула. Отец принялся изучать отобранный пакет. Огней вытянул шею, но с такого расстояния не разглядеть ничего.

– Фу. Фу-у-у! Мать честная, фу! Марина Гамильтон, ты больше не выйдешь за пределы Наукограда!

– Папа, я не ела этого. Просто принесла образец. Пригодится для наших диетологов.

– Что за чушь? У нас полно этих образцов!

– Это я попросил.

Спорщики вздрогнули. А Огней Корсан вышел из темноты.

– Мне в «Быстрожрать» ход заказан. А там, кажется, начали продавать синт-бургеры, которые можно есть без таблеток для восстановления печени. Прямо-таки прогресс в пищевой технологии обдолбов. А, нет. Вот он – восстановитель. Но всё равно спасибо, Марина.

Марина благодарно сверкнула глазами и зашагала к дому. Сумасбродная девчонка. Заступник искренне понадеялся, что леди Гамильтон и правда этого не ела.

– Ты использовал мою дочь? Огней Корсан, в глаза смотри!

– Она всё равно ходит в «Быстрожрать». А наших камер там нет.

– Чтобы это последний раз было, – выдохнул профессор и пошёл за дочерью.

Огней Корсан посмотрел им вслед. Поднял с травы миндальный орешек, попробовал раздавить. Нет, крепкий. Вообще-то Ирвинг прав. Не стоит молодой девушке так часто таскаться во внешний мир. Эх, Марина, Марина. Повезло тебе, что ты дочь ведущего учёного Наукограда. Иначе стали бы терпеть твои чудачества? Впрочем... Для всего мира Наукоград – бельмо на глазу. Для них же бельмо – Марина, возлюбившая внешний мир. Вернее, его часть. Весьма отвратительную...

Тропинка ложилась под ноги причудливой спиралью, неожиданно расходилась развилками или вовсе обрывалась тупиками. Человека постороннего она легко запутает, особенно ночью, но Марина знала её с детства. Справа – фонтан, слева – ступеньки, а за следующим поворотом – вековой дуб, он рос здесь задолго до строительства Наукограда. И вот уже дом старшего Корсана. Можно вздохнуть с облегчением. Она пришла к другу.

Марина Гамильтон застучала в окно.

– Николай! Никола-а-ай, ты мне нужен!

За стеклом зашуршало, скрипнуло, включился свет, снова заскрипело, на этот раз отчётливей. Николай, как всегда, долго возился, оно и понятно – пока выберешься из кровати, усядешься в коляску. Собственно, и залезала она каждый раз через окно, чтобы другу не приходилось катиться до самых дверей. Николай наконец открыл окно и впустил гостью.

– Я едва ускользнула от отца, – затараторила Марина, оказавшись в комнате. – Полчаса читал мне нотации. Николай, я только тебе могу довериться. О! Прости, я тебя потревожила.

– Ничего. Продолжай.

– Дин хочет, чтобы я переселилась во внешний мир. Нет, не так. Он настаивает на этом. Говорит, что устал от встреч урывками, устал бояться потерять меня. И он даже слышать не хочет о том, чтобы переехать в Наукоград! Я бы могла поговорить с отцом, умолить его забрать Дина к нам, но Дин...

– А чем я могу помочь?

– Как мне его убедить? Ты же мужчина, и Дин – тоже...

Николай хмыкнул – не то обиженно, не то презрительно.

– ...А мужчина скорее подберёт весомые аргументы для другого мужчины.

Николай зажмурился. Сдерживая зевок, спросил:

– Почему он не хочет переезжать?

– Говорит, Наукоград для него чужой и он к нему никогда не привыкнет.

– В чём-то он прав.

– Да. – Марина опустила голову. – Я недавно хотела его привести к отцу. Но сначала попросила помыть голову. И надеть что-то приличнее старой нестираной футболки. Знаешь, что он сказал? Что футболка эта куплена в магазине «Понты раздутые» и носить её почётно, а кто не носит – тот ухлоп полный. А потом как разозлился! Начал кричать: «Ты что, меня стесняешься? Не любишь таким, какой я есть!»

Николай дёрнулся, словно от удара. И посмотрел вдруг с такой злостью, что Марина испугалась и отодвинулась от окна. Пока её туда не вышвырнули. Или – что ещё хуже – не начали уговаривать забыть Дина и обратить внимание на Огня. Она ведь опять не сможет ответить ничего путного. Как втолковать человеку, что его родной брат, идеальный прекрасный Огней весь в грязи? Как самой себе это объяснить?

Впрочем, ничего такого говорить и делать Николай не стал. Вздохнул, на секунду прикрыл глаза, а когда открыл их, перед Мариной снова был друг – спокойный, добрый и понимающий. Он спросил:

– А ты любишь и не стесняешься?

– Люблю! А стесняюсь ли... Знаешь, я иногда сама себе полной обдолбанкой кажусь, но... Я верю, что Дин может измениться. Он не такой, как другие внешнемировцы. Он читает! Они там уже забыли, что такое книги, а Дин – нет. Он знает стихи Цветаевой. Наизусть! И он очень несчастен. Если бы его воспитали в Наукограде... Ему просто нужен кто-то, кто поможет измениться, выбраться из болота.

– Измениться, говоришь? – Кажется, Николай начинал дремать. – А он просил его менять?

– Он хочет быть со мной.

– Это разные вещи.

– Если я буду рядом, Дин изменится, я уверена!

– А ты не думаешь, что он захочет изменить тебя? Ладно. Давай вот что попробуем. Предложи ему эксперимент – пусть поживёт в Наукограде месяц. Не понравится – уйдёт, и ты не станешь его удерживать. Не-ста-нешь, ясно? А вдруг проникнется и останется?

Марина благодарно обняла друга.

Ирвинг полночи мерил шагами комнату. Непокойно было на душе, и причины на то имелись. Во-первых, Мартин Брут последнее время стал хмур, зол и скрытен. А это плохой знак. Без Мартина ничего бы не состоялось, Мартин – не только старший куратор Наукограда, он – связующее звено между городом учёных и Правительством. И вот сейчас Мартин ходит мрачнее тучи.

Плохой знак.

А во-вторых, не меньше Мартина беспокоила Ирвинга Марина. Что и когда он сделал не так? Почему дочь готова жизнь отдать за жалкого оборвыша из внешнего мира и абсолютно равнодушна к делу всей его, Ирвинга, жизни? В лабораторию каждый раз приходит с таким видом, будто не себе карьеру, а ему одолжение великое делает. Обидно. Разве не ради неё он боролся за процветание Наукограда? А Елена? Разве не ради единственного ребёнка рвалась она в город под куполом?

Елена, Елена. Как она боялась за дочь. Как не хотела воспитывать её во внешнем мире. Переживала, что Наукоград не достроят к тому времени, как девочка начнёт взрослеть. Или – о ужас! – совсем не достроят. Или достроят, но их семья по какой-то нелепой причине останется за бортом. В этом ужасном мерзком мире.

– Я-то её воспитаю, как смогу, объясню, что хорошо, что плохо, но она выйдет на улицу, а там – сплошные обдолбы! – плакала Елена в плечо мужу. – Сделай что-нибудь!

Ирвинг Гамильтон сделал. Одним из первых получил приглашение в Наукоград, возглавил лабораторию. А затем стал правой рукой самого Мартина Брута.

– Смотри, родная, у нас новый дом, – сказал он жене в день переезда. – Здесь ты воспитаешь нашу дочь, как хочешь.

– Да... Ирви, помнишь старую книгу моего отца? «Гадкие лебеди». Там герои воспитали детей и предотвратили кошмарное будущее.

– Помню. – Ирвинг обнял её. – У нас будет так же.

– Но нас так мало. Пять тысяч против почти пяти миллиардов!

– Ничего. Будет больше. И у нас перед жителями дождливого города есть огромное преимущество. Им, чтобы изменить будущее, пришлось стереть самих себя. Нам никого не придётся стирать!

Елена закивала. Обняла мужа.

– Ты позаботишься о Маринке? Ты ведь знаешь, мне осталось лет десять, не больше.

– Успокойся, любимая. Не надо.

Да, Ирвинг знал... Первый из «цветных» вирусов был зарегистрирован в 70-е годы прошлого, двадцать третьего, века. «Пурпурный», «зелёный», «алый» – они различались симптоматикой. Но итог всегда был один – стопроцентный летальный исход. Чуть более пятидесяти лет прошло, а пандемия успела сократить население планеты почти вдвое. Никто не понимал, откуда они взялись. Официальная версия: утечка мутировавших боевых вирусов из старых саркофагов с биологическим оружием. Неофициальная: утечка была далеко не случайной, Правительство пыталось регулировать численность населения планеты и, как всегда, потеряло контроль над ситуацией. Недобитые «зелёные» выдвинули свою теорию – загрязнение окружающей среды достигло апогея, и теперь люди пожинают плоды собственного свинства.

Вакцину, защищающую от вирусов, микробиологи Наукограда в конце концов нашли – эмпирическим путём. Вот только действует она лишь на тех, кто родился и вырос под куполом. В чём причина: экология, питание, и то и другое вместе или вообще что-то иное, – разобраться пока не получалось. А значит, учёные по-прежнему не могли помочь сотням миллионов больных, ожидающих смерти во внешнем мире. Да что там! Они и своих спасти не могли. Виктор Корсан, талантливый врач-диетолог, умер от зелёного вируса спустя шесть лет после переселения в Наукоград. Его сын Николай в тот же день впервые почувствовал онемение в ногах – видимо, стресс ускорил болезнь. К счастью, младшего из Корсанов, Огней, эта дрянь миновала.

Огней. Он и двадцать лет назад был смелым, отчаянным и симпатичным мальчишкой, а уж сейчас – мужчина хоть куда. С кем бы с радостью породнился Ирвинг, так это с младшим Корсаном. Достойный наукоградец, здоров, воспитан. Красавец, наконец! Так нет же! Для Марины недостаточно хорош. Говорит – грязь вокруг него. Совсем из ума выжила? Обдолб, неспособный помыться, стало быть, чистый. Впрочем, все эти мысли Ирвинг предпочёл оставить при себе. Не мог он управлять дочерью, хоть стреляйся, не мог. С коллегами и подчинёнными был твёрже камня, а с собственным ребёнком превращался в лапшу мягкосортную.

Где он ошибся?

Пока Елена была жива, Марина не то что выйти из Наукограда не могла – даже к воротам приблизиться. Умирая, жена заставила Ирвинга поклясться, что и он не выпустит дочь за пределы купола. Ирвинг поклялся. Хотя, признаться, в ту минуту учёного в очередной раз озаботил вопрос: «Почему при всех своих возможностях они так и не изобрели лекарство от болезни его любимой женщины?» Если нельзя уничтожить вирус полностью, то хотя бы задержать! Чтобы с момента проявления оставалось не десять-пятнадцать лет, а больше. Хоть немного больше.

Занятый тяжкими мыслями, он вскоре позабыл о клятве.

Вот и ошибка.

Марина начала свой роман с внешним миром. А Ирвинг, когда опомнился, понял, что влиять на дочь больше не может. Он даже не всегда знает, ночевала Марина дома или бродила всю ночь с ненаглядным Дином.

Каблучки цокали по асфальту. Раз за разом приходилось переступать через окурки, разбитые бутылки, грязные трусы, упаковки из-под «коктейлей обдолбов» и ночной наркоты, прочий мусор. Уборка улиц однозначно не стояла у автоматов в списке главных дел. За всё время, которое она провела во внешнем мире, только одного железного убиральщика и видела. Хотя... Вон, кажется, и второй. Но что это? Стальной бот медленно полз по асфальту, шевеля забавными щетинистыми щупальцами, а за ним шёл высокий худой мужчина. И в руках у него был... Неужели пульт? С каких пор люди управляют ботами? Глупости. Обдолб бредёт за убиральщиком, а со стороны выглядит... Нет, он всё-таки им управляет. Переобдолбался, что ли?

Мужчина поднял голову и посмотрел на Марину взглядом уставшим, но вполне осмысленным и любопытным. Она вздрогнула. Она видела этого человека раньше. В Наукограде. И там... там он тоже убирал мусор! Только грязи вокруг него не было. А пялился на неё точно так же. Тогда она подумала, что это – новый наукоградец, которому всё в диковинку, потому и тарачится по сторонам, но сейчас... Почему он уставился? Это другой уборщик, не может, чтобы тот самый. Всего лишь похож. Такой же долговязый. А смотрит на неё, потому что не каждый день во внешнем мире увидишь девушку в нормальном платье.

Хотя какое дело обдолбу до платья?

Странно. Надо Дину пожаловаться! Да, непременно. А покажется этот красавец ещё раз в Наукограде – рассказать отцу.

Марина бросила на убиральщика гневный взгляд и ускорила шаг, свернула за угол унылого здания и оказалась на городской площади, края которой были утыканы треугольными столбиками. Её ждали. Дин стоял под плакатом, рекламирующим мужское достоинство. Марина снисходительно улыбнулась. Пока в Наукограде ищут спасение от цветных вирусов, внешнемировцы нашли своё решение. Живи сколько сможешь и не думай о будущем! Забавные они.

А Дин уже шёл навстречу, быстро и слегка прихрамывая, торопился обнять любимую и... про душ он опять забыл. Впрочем, ладно. Да, воняет, зато грязи вокруг него нет.

– Ты чем-то расстроена?

– За углом какой-то тип. Он следит за мной. Мне показалось...

– Разбить ему морду?

– Э... – Марина прижалась к любимому. Разбираться с таинственным убиральщиком вдруг перехотелось. – Нет, просто будь рядом.

– Хорошо, куда пойдём?

– Куда хочешь. Хоть в «Быстрожрать».

– Ты же его не любишь?

– Зато ты любишь!

Дин довольно крикнул и расправил плечи. «Вдобавок твоё «Быстрожрать» такая дыра, что ни один убиральщик туда и носа не сунет», – подумала Марина.

– А я рассказывал, что именно здесь, на этой площади, встретил Сапа Бурого?

«Вообще-то рассказывал».

– Лидера по кликам в Интернете.

«И не раз».

– Он подарил мне свою флягу с элитной алой смесью. Вкури на минутку – личную флягу!

«Но ведь этот рассказ каждый раз доставляет тебе такое удовольствие...»

– Сказал, что я достоин её хранить! – Дин засмеялся. – Вот она, та самая фляга! Только смесь уже другая.

Марина сдержанно улыбнулась.

– Расскажи лучше, прочитал ли ты книги, которые подарила я?

Дин перестал смеяться, задумался.

– Осилит пока «Машеньку». Клёвая вещь, хоть и старьё. О том, что не всем мечтам стоит сбываться, а всякую романтику юности лучше там, в юности, и откинуть. Чтобы не ополнить в дупло. Ой, извини. Просто – чтобы не ополнить.

Лицо Дина стало мечтательным и одухотворённым, Марина радостно выдохнула. В такие минуты она чувствовала, что права, что Дин – не обдолб, а человек, которому не повезло, угораздило жить в этом ужасном мире. Марина всегда это знала, с самой первой их встречи...

О, первая встреча. Как она тогда влипла... Год назад.

...Как же она влипла. Впервые выбралась из Наукограда без проводника и тут же умудрилась заблудиться. В мегаполисе со смешным названием Кок она бывала раз десять, но кто там запоминал дорогу? Огней рядом, выведет. Вернее, тогда ей казалось, что всё легко и понятно, но стоило очутиться здесь одной... Дома – грязно-жёлтые бетонные коробки – так друг на друга похожи, и никаких отличительных знаков. То ли дело у них в Наукограде: возле одного дома сирень цветёт, около другого – жасмин. У Мартина Брута перед апартаментами – озерцо с фонтанчиком, у Николая – ковёр из клевера. Даже если забудешь адрес, всё равно

любого найдёшь. А здесь... Ни одного дерева, ни одного кустика. Да и адреса-то ни одного... Таблички с номерами домов и названиями улиц погибли смертью храбрых ещё в прошлом веке. В какой стороне Наукоград? Где хотя бы станция? Одному мирозданию известно. Нет, возможно, внешнемировцы могли бы подсказать дорогу, но никто из них не снизошёл до разговора. Лишь опасливо косились на Марину и обходили стороной, прежде чем она успевала открыть рот. Пару раз Марина всё же попыталась заговорить – с двумя мужчинами и тремя старушками. Мужчины отпустили в её адрес пошлую шуточку, старушки недобро зыркнули, прошамкав непонятное, а стоявший рядом бот-наблюдатель сообщил, что шлюхам до темноты на улицах делать нечего.

Тогда-то и поняла Марина, что нарядилась она для внешнего мира слишком необычно. Шёлковая персиковая блузка с глубоким декольте, обтягивающие белые брюки из хлопка, босоножки на каблучке... В Наукограде она бы не выделялась из толпы. Но здесь... Все внешнемировцы были одеты либо в нечто серое и бесформенное, либо затянуты в латекс, переливающийся ядовито-яркими цветами. Люди в балахонах похожи на потерпевших кораблекрушение из старых фильмов, в латексе – на магазинные манекены оттуда же.

И ни те ни другие общаться не желали.

Теперь она поняла, зачем Огней каждый раз заставлял напяливать уродский серый плащ! Однако сегодня младшего Корсана рядом нет, а между тем...

Ворота Наукограда запираются в одиннадцать вечера.

Связи с домом нет – наукоградские визифоны здесь не действуют, как и внешнемирские – в Наукограде.

Дико хочется есть!

Впрочем, последнюю проблему решить проще всего – в конце серой улицы маячил продуктовый магазин, а внешнемирской расчётной карточкой отец её снабдил. Правда, и он, и Огней не раз предупреждали, чтобы не притрагивалась к местной еде, но что делать, если прихваченный из дому овощной бутерброд она уплела ещё до обеда, а сейчас почти вечер?

Магазинные полки были забиты разноцветными пластиковыми пакетами с лаконичными надписями: «завтрак 1», «завтрак 2», «обед 5», «обед 8», «ужин 13», «закуска»... Марина растерялась. Осмотрелась. Других людей в магазине не было. Зато от стены отделился бот-продавец – металлический цилиндр на колёсиках. Подъехал к девушке. Выдвинул из корпуса миниатюрную клавиатуру. И неожиданно приятным мужским голосом изрёк:

– Сделайте свой заказ.

– Э-э-э... Поесть бы чего-нибудь.

– Сделайте свой заказ.

– Проклятье. – Она скользнула взглядом по полкам. – Ничего не понимаю. Что такое, например... например, закуска номер два?

– Нажмите кнопку «два» и букву Z.

Марина вздохнула и нажала.

– Закуски номер два нет в наличии.

– Что это вообще такое? Ты можешь объяснить? Ты меня понимаешь?

– Состав закуски номер два: паста стандартная, коктейль бодрящий, белок гидролизированный, коктейль опохмеляющий, таблетка «хи-хи», препараты для восстановления ЖКТ. Химический состав...

– Довольно. А обыкновенная еда здесь есть? Или что-нибудь на неё похожее?

– Вопрос непонятен.

– От тебя никакого толку.

– Вызвать наладчика электронного продавца?

– А он человек?!

– Да.

– Вызывай!!!

Минут через пятнадцать в зал вошла полусонная тётка в грязно-красном комбинезоне, посмотрела на Марину мутным взглядом.

– У вас проблемы с ботом?

– Я бы хотела купить что-нибудь... съедобное.

Наладчица пожала плечами.

– И что? Он не продаёт?

– Нет... То есть я ничего не понимаю. А он ничего не объясняет. Вы не могли бы что-то посоветовать? Я хочу есть, но здесь вообще ничего не понятно.

Раздражённо-снисходительный вздох в ответ.

– Скоро вечер. Значит, надо покупать ужин. Ты собираешься сегодня обдолбаться?

– Что? Нет, конечно!

– Худеешь?

– Н-нет. При чём здесь...

– Печень отвалилась? Или почки?

– С утра были на месте. – Марина покосилась на дверь.

– Тогда тебе нужен стандартный ужин номер двадцать. Есть ли в наличии? – её пальцы вяло заползали по клавиатуре. – Есть. Странно. Семнадцать долларов. Оплати заказ у бота.

– Оплатите ваш заказ!

Марина приложила к глазку сканера карточку и наконец получила свой ужин. Заглянула в бледно-сиреневый пакет. Внутри оказалось три тюбика с мутно-бежевой пастой, два батончика, отдалённо напоминающие шоколадные, три зелёные продолговатые капсулы и несколько коричневых таблеток.

Звякнул колокольчик – в магазин вошли трое вялых подростков в бесформенных балахонах. Бот тут же покатил к ним.

– Сделайте ваш заказ!

– Номер тринадцать.

– Каждому.

– О, кто-то двадцатку купил. – Один скользнул по Марине взглядом и облизнулся.

– В душло двадцатку, – резюмировал второй.

– Покатили! – скомандовал третий, и Марина вздохнула с облегчением.

– Вкури, я вчера трахнулся, – сообщила удаляющаяся спина в балахоне.

– Обдолб!

– Точно.

Двери за подростками закрылись, наладчица тоже медленно, но уверенно двигалась к выходу. Марина бросилась за ней.

– Извините. Этот ваш пакет...

– Чего-то не хватает?

– Нет. То есть я не знаю. Объясните, как вообще этим пользоваться? Что это за таблетки, например?

– Для поддержания печени.

– Я же сказала, с ней всё в порядке.

– Это ненадолго.

– Я вас не понимаю!

Тётка брезгливо скривилась.

– Что вы вообще под своим куполом понимаете?

– Вы знаете, что я из Наукограда?!

– А ты посмотри на себя, немочь подкупольная.

– А вы знаете, как пройти к станции? Я заблудилась. Подскажите мне...

– Ничего не знаю! Иди куда шла!

Марина проводила взглядом наладчицу, обернулась к боту.

– Ты, конечно, тоже не знаешь, где станция?

– Вопрос непонятен. Сделайте ваш заказ.

Смеркалось.

Свернув в пустой дворик, Марина достала из пакета один тюбик, выдавила бежевую пасту на язык. Безвкусно. Совсем. Но голод стал утихать. Откусила «шоколадный» батончик. На вкус он напоминал пластмассу.

Дегустировать капсулы и таблетки Марина не решилась.

А тем временем на улицах начали появляться люди. Всё больше – «латексные». Выглядели они поживее граждан в балахонах, и у заблудшей души вспыхнула надежда.

– Извините, вы не подскажете...

– Обдолб!!! – Выпученные глаза, безумный взгляд.

– Простите, мне нужна помощь. Кто-нибудь знает дорогу к Наукограду? Я потерялась. Я заплачу! Эй, вы слышите? У меня деньги есть!

– Покати-и-или! – Шарообразный парень, затянутый в смоляной латекс, посмотрел на неё вполне осмысленно и схватил за руку. – Клуб «Кактус в сраке» там.

– Нет, вы не поняли.

– До двенадцати – бесплатные шлю-у-ухи! – Незнакомец упрямо тащил её к неизвестному клубу.

– Да стойте вы! – Она наконец вырвалась. Незнакомец по инерции помчался дальше. И не оглянулся.

Марина обессиленно села на грязную скамейку.

Окончательно стемнело, и латексные фигуры превратились в скользкие, иногда спотыкающиеся разноцветные тени.

Сначала они пугали. В каждом вынырнувшем из мглы силуэте мерещился разбойник из старых книг. Но потом Марина поняла, что никто не собирается её ни насиловать, ни грабить, ни как-либо задевать.

Всем просто наплевать на неё, как, впрочем, и на всё остальное.

Даже обидно стало.

... У «Быстрожрать» по традиции воняло дешёвой синтетической едой и испражнениями. Марина, погрузившись в воспоминания, не заметила, что они уже подошли к любимой Диновой забегаловке. Дин отправился выяснять, есть ли свободные места, а она...

– Эй, ты задрыхла, немочь? Смотри, куда прёшь! – проорал ей в ухо рыжий хромым обдолб и поковылял дальше. Кажется, она ему на ногу наступила.

– Этот ухлоп тебя обидел? – Дин вырос из-за спины. – В морду дать?

– Не надо. Нашёл место?

– Да. Идём.

Марина обняла любимого за талию. Перед глазами мелькали разноцветные тени.

– А я недавно с ещё одним наукоградцем общался, – сказал Дин, когда они уселись за длинный стол на каменных ножках. – Мой бывший сосед, можно сказать – друг семьи. Под куполом живёт почти с самого его создания, но старых друзей не забывает. Встретились в элитном клубе «Мегакрут».

– Как его зовут?

– А тебе зачем? Будешь справки обо мне наводить?

Марина пожала плечами.

– Не хочешь – не говори.

– Давид Борн.

– Да. Знаю такого.

«Помощник Огня! Если он заинтересовался Дином, то у меня есть шанс».

– Он, между прочим, меня похвалил. Все вокруг были обдолбанные, а я – почти трезвый. Как-то мне пить не хотелось в тот день совсем. А ещё мы с ним о Набокове пощёлкали. Давид сказал, что я выше всей этой толпы.

– И он прав. Кстати, насчёт Наукограда. Я бы хотела...

– Манька! И ты здесь. Уку-у-ур! Ну будь здрава! – Шпак, Гвоздь и Кошмар плюхнулись за их столик.

Марина скривилась: во-первых, только Диновых дружков тут не хватало. А во-вторых, она ненавидела уменьшительные формы своего имени. Максимум – соглашалась на Маринку.

– Срань, как я вчера обдолбался! – Шпак развалился на стуле, утопая в безразмерном балахоне.

– Ты-то что? Вот я! – взвыл Гвоздь.

– А у меня вообще был мегаобдолб! – припечатал Кошмар.

– Ребята, я рада, что вы все обдолбались, но нам с Дином надо поговорить.

– Стойте! А меня почему с вами не было?

– Дин! Что ты мне сейчас говорил?

Дин озадаченно моргнул. Марина вздохнула. Проклятье! Пока эти обдолбы рядом, его из болота не вытащить. Прав, прав Николай. Следует заманить Дина в Наукоград хотя бы на месяц. Этого хватит, чтобы он привык к нормальной жизни, избавился от влияния всяких... Она покосилась на дружков. Те, судя по всему, обосновались за их столиком надолго.

– Дорогой. – Она наклонилась к Дину. – Пожалуйста! У меня к тебе разговор.

– Ну-у-у, дай хоть глоточек с ребятами сделать. Никуда не сбежит твой разговор за пять минут.

Он достал флягу, смерил её долгим взглядом. Повернулся к друзьям.

– О! Вы же ещё не знаете этой истории! Эту флягу мне подарил сам Сап Бурый. Лидер...

– Да знают они!

– ...по кликам в Инете. Откуда знают? Ты рассказала?

– Ты сам рассказал! Сто двадцать пять раз!

К ним подъехал бот-официант, притащил пять стаканов с мутно-зелёной дрянью.

– Мы на всех заказали! – гордо сообщил Шпак и самодовольно улыбнулся.

– Я не буду это пить!

– Новинка! Мегакоктейль!

– Манька нас презирает!

– Укур. Тогда я выпью.

– Потрахаться ей надо! Дин, срань такая, недорабатывает, может, мне... – Шпак уткнулся носом в декольте Марины, она брезгливо его оттолкнула. Кошмар с Гвоздём заржали.

– За «недорабатывает» я тебе щас трахальник оторву, – беззлобно огрызнулся Дин.

– А что у неё там за укур? – Гвоздь заглянул через плечо товарища. – Вдруг «жучков» натыкано?

– Слушай, ухлопище...

– А что? Поди их проссы, чем они в своём Наукограде занимаются. – Он подошёл к отбившейся от Шпака Марине. – Неизвестно же ничего. Закупорились в укур и молчите. У нас видеокамер понатыкали, а что за вашими стенами творится? Типа спасти всех хотите, а

может, вы передавить всех в укур, как навозных клопов, решили. А? Потому и молчите. Вот ты скажи, что у вас там происходит?

Марина промолчала.

– Скажи хоть, почему вы у нас видеокамеры ставите, а мы у вас – нет? Ты небось тоже шпионка? Косишь в укур под друга, а сама ссышь рассказать, чем вы там занимаетесь?

– Хорошо. Недавно мы вырастили слонёнка. Из генетического материала. А ещё зубра и...

– Уку-у-ур! Эти твари посдыхали сто лет назад.

– Именно.

– И с какого недотраха вы их возрождаете?

– А из-за чего, по-твоему, они вымерли?

– Не смогли приспособиться к новым условиям. Законы эволюции.

– Это не те законы... Ай. Вы всё равно не поймёте.

– Слонов они в говно воскрешают, – встрял в разговор Шпак. – А люди дохнут от вирусов. Для людей что сделано? Срань подкупольная.

– Эй, Дин. Ты сегодня кому-то в морду хотел дать? Меня оскорбляют, ты не слышишь?

– Солнышко, это же мои друзья.

– У них в Наукограде таких слов в укур и не слышали.

– А вы только в укур всё и слышите. И в обдолб.

– Зато мы, дерьмо твоё в дупло, не пачкаем рук о свинскую работу.

– Труд облагораживает!

– Труд – не для людей, а для машин. Разумное существо не должно тратить себя на... на такое. – Шпак ткнул пальцем в бота, вытирающего соседний стол. – И на прочую подобную срань. Разумное существо должно жить и расслабляться. А вы в своём Наукограде в дупло одичали. Над вами весь мир ржёт! Бабы жрать готовят, мужики тяжести волокут. И жрачка растёт на земле или ногами бегают. Буэ! А вы ещё и гордитесь собой. Вас самих от себя тошнить должно.

– Что вам ещё о нас по ТиВи рассказали?

– Что вы – допотопье! А считаете себя центром мира. Срань вы! Немочь подкупольная.

– Дин. Я ухожу. А ты как хочешь.

Марина пошла к выходу. Краем глаза заметила, как растерянно заморгал Дин, переводя взгляд то на друзей, то на неё, как выпятили грудь Шпак с Гвоздём, а Кошмар, кажется, вообще заснул. Прочь отсюда, прочь. Она выскочила из «Быстрожрать», промчалась между рядами биотуалетов, у которых, как обычно, толкалась очередь – судя по всему, быстро тут не только жрут, но и сожранное переваривают. Пробежала ещё несколько метров и остановилась. Проклиная себя за слабость, обернулась. Нет, Дин не шёл следом.

Ох, Дин, Дин. Почему? Ты ведь можешь быть другим, я видела. Я не могла ошибиться. Когда мы познакомились, год назад...

...Раньше в Наукограде было чёткое правило – возвращаться под купол до одиннадцати часов вечера. Нарушителей ждало наказание – от штрафов до выселения из города. А потому пропускать заветное время было нельзя ни в коем случае.

Никто и не пропускал. Пока однажды какой-то умник из Совета кураторов не решил перестраховаться и не разослал письма, в которых на всякий случай горячо убеждал сограждан «не опаздывать к закрытию!».

Граждане озадачились.

А потом начали один за другим куковать перед воротами до утра.

После чего умник-перестраховщик услышал в свой адрес столько новых слов, что ему позавидовал бы любой обдолб, и был понижен в должности, а в ближайшей к станции гостинице начали бронировать номера для замешкавшихся наукоградских гуляк.

Не ночевать же им, право, в чистом поле? Или того хуже – на улице, среди обдолбов. Знать бы, где эта гостиница???

Марина прислонилась к высокому забору, огораживающему какие-то склады. Ноги подкашивались, голова кружилась...

– Вам помочь?

Мечтательно-детский взгляд карих глаз. Таких непохожих на полубезумные или вяло-равнодушные глаза других внешнемировцев. Марина даже подумала, что этот парень тоже из-под купола – бесформенная футболка и засаленные джинсы могли быть элементом маскировки, – но запах пота и невымытые волосы разрушили надежду. Впрочем, плевать. Главное, у него взгляд человеческий.

– Я заблудилась. Я из Наукограда.

– То, что из Наукограда – вижу. – Казалось, он с трудом подбирает слова без ругательств. – Идёмте, я знаю, где станция. Вам ведь до одиннадцати надо успеть?

Марина кивнула.

И новый знакомый повёл её. Дворами, подворотнями, тёмными узкими переулками, похожими на ущелья в толще бетонных скал. Шли быстро – насколько мог проводник, он слегка хромал, – и молча. Иногда мелькала мысль: вдруг он маньяк? Но Марина тут же её отметала. В конце концов, выбор невелик: шататься одной по незнакомому городу или довериться юноше с детскими глазами. За очередным поворотом оказалась заброшенная стройка, и скорость пришлось сбавить, постоянно перешагивая через кирпичи, трубы, мусор, обходя недостроенные стены и ржавые механизмы.

– Есть и другой путь, со стороны гостиницы, – извиняющимся тоном сказал юноша. – Но так быстрее.

Разруха закончилась неожиданно, а за ней раскинулся пустырь, разделенный надвое веткой монорельса. Рельсы были увенчаны небольшой станцией – платформа с двумя лавочками под навесом. А вон там, за пустырём, и гостиница светится. К счастью, сегодня она не понадобится.

Марина взбежала на платформу. Быстро просмотрела расписание. Ага, вагончик из Наукограда будет через семь минут – долго ждать не придётся. Вздохнула облегчённо. И только тогда заметила, что её проводник всё ещё стоит на земле, печально переминаясь с ноги на ногу. Проклятье.

Она спустилась к юноше.

– Спасибо тебе! Сама бы я никогда не нашла дорогу. Ты единственный, кто согласился помочь. От меня все шарахались, как от чумной. А тут ещё ночь, темно...

Юноша улыбнулся и вдруг продекламировал:

– В огромном городе моем – ночь.
Из дома сонного иду – прочь,
И люди думают: жена, дочь, —
А я запомнила одно: ночь.

– Цветаева, – пробормотала девушка. – А говорят, у вас тут книг не читают.

Её спаситель неопределённо пожал плечами. Марина улыбнулась.

– Я её тоже люблю. Мне больше всего, конечно же, это нравится:

Кто создан из камня, кто создан из глины, —

А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело – измена, мне имя – Марина,
Я – брэнная пена морская.

- Марина, значит.
- Да. А вот ещё. Слушай:

Пляшущим шагом прошла по земле! – Неба дочь!
С полным передником роз! – Ни ростка не наруша!
Знаю, умру на заре! – Ястребиную ночь
Бог не пошлёт по мою лебединую душу.

Юноша молчал и смотрел словно сквозь неё, мечтательно и задумчиво.

Рельсы тихо зазвенели, завибрировали, извещая о приближении вагона.

- Мне пора, – сказала Марина.
- Успеваешь?
- Вполне! Последний рейс – как раз к закрытию ворот.
- Тогда – счастливо. Нет, постой. Ты ещё вернёшься?
- Думаю, да.
- Я буду навещать к станции.
- Хорошо. Подожди. Тебя-то как зовут?
- Динарий. Можно – Дин.

А дома её встретили взволнованный отец и взбешённый Огней. Её бывший проводник, от услуг которого она отказалась, рвал и метал, но при этом выглядел вполне довольным. Ещё бы. Утвердился в своей правоте: «Нельзя было тебя одну отпускать!» Отец после всё твердил:

- Видишь, как парень за тебя переживает!

А она видела лишь одно – чёрное пятно, расплзшееся у ног «встревоженного» Огня. И тогда она вдруг поняла, насколько её привлекает Дин и чем именно...

... Дин всё же догнал её. Молча и чуть пошатываясь зашагал рядом. Порой силился что-то сказать, но язык заплетался настолько, что понять его было решительно невозможно. И когда успел нализаться? За те пять минут, на которые она оставила его с друзьями? Впрочем, пока дошли до гостиницы, Дин слегка протрезвел и попытался за приятелей извиниться. Марина вяло отмахнулась. Вечер безнадежно испорчен, разговор с Дином о переселении в Наукоград пришлось перенести, от самого Дина несёт перегаром, как никогда раньше, хочется быстрее в вагон и домой. Вот уже и станция. О нет!

На платформе, на той лавочке, что ближе к лестнице, сидел высокий худой мужчина и смотрел на Марину уставшим взглядом. Марина остановилась. Неужели в Наукоград собрался? Вдвоём с ним в вагоне ехать придётся?! Она схватила Дина за руку.

- Солн... ик... Солнце, что?
- Это он. Мужчина, который за мной следит.

– Щас! Щас я ему в мор-р-рду! – Дин рванул вперёд, пошатнулся, упал на пятую точку и замотал головой.

Марина вздохнула, не зная, смеяться или плакать. Или, пока не поздно, бежать в гостиницу? А там – что? Может, спросить у наблюдателя прямо, что ему надо? Но худой мужчина поднялся, кивнул ей, спустился с платформы и пошёл прочь.

Глава 2

Враг

– Профессор, вы должны что-то сделать! Вы же понимаете, добром это не закончится. Николай смотрел в упор. И во взгляде его было столько решимости, ожесточения даже. Взгляд требовал действий, конкретных, немедленных. Ещё бы знать каких.

Ирвинг отвернулся.

– Я понимаю, ты беспокоишься о брате.

– Я волнуюсь о Марине – в первую очередь! Огней... да, за него я тоже переживаю. Он любит Марину, любит по-настоящему. И заслуживает взаимности. Во всяком случае, куда больше, чем этот обдолб! Я понимаю, вы не можете диктовать дочери, с кем связать судьбу, не в дикие времена живём. Но вы ведь отец! И должны поговорить с ней, в конце концов, воззвать к её разуму!

Ирвинг грустно улыбнулся.

– Не знаю, Николай, согласишься ли ты мне, но три дня назад именно это я говорил дочери. Почти такими же словами.

– И что она вам ответила? Привела хоть какие-то разумные аргументы в защиту своего Дина?

– Привела.

Ирвинг запнулся, усомнившись, стоит ли повторять услышанное от дочери. Всё же решился:

– Она сказала, что её Дин внутренне чист. А Огней на каждом шагу оставляет неприятный след. Грязный – она сказала.

– Что?!

Николай вцепился в подлокотники коляски так, что костяшки пальцев побелели. Вскочил бы, если бы мог. Не может. Эх, не нужно было ему о грязи говорить! Мало ли что Марина нафантазирует. Сам Ирвинг ей ведь не поверил. Кажется.

– Значит, мой брат совершает грязные поступки... Интересно какие? Конечно, это мы тут чистенькие, создали рафинированный мирок интеллектуальных снобов и сидим в нём, тешимся, что мы надежда человечества. Ковыряемся в своей науке, делаем открытия... А кому нужны наши открытия? Мы даже цветные вирусы победить не смогли. – Николай зло ударил по своим бесчувственным коленям. – Куда там победить – не разобрались, откуда они возникли, что послужило причиной, толчком для мутаций. И когда начнётся новая волна, не знаем.

Ирвинг попытался возразить, но калека не собирался его слушать:

– Наука ради науки – вот что мы такое! А Огней – он занят конкретным делом. Да, «грязная» работа – находить во внешнем мире тех, кто ещё на что-то годится. Кто ещё способен поработать мозгами. У кого они ещё есть, эти мозги!

Коляска резко развернулась, покатила к двери. Через плечо Николай бросил:

– Я понял: вы ничего не собираетесь предпринимать. Поза страуса такая удобная! Так знайте, у Марины кроме отца есть ещё друг.

И укатил. Дверь кабинета с лёгким шорохом закрылась. Возражать поздно. Да и что Ирвинг мог возразить? Марина упрямая, всё равно сделает по-своему. Наверное, она слишком похожа на отца. Ирвинг пытался отыскать в ней черты Елены, и не получалось – ни во внешности, ни в характере. А он так мечтал об этом, когда осознал, что жена обречена, что пурпурный вирус съест её рано или поздно.

Ирвинг вздохнул, повернулся, подошёл к окну. Большому, во всю стену, и такому прозрачному, что стекла будто нет. Там, за окном, поднимался горный кряж – настоящий и миниатюрный одновременно, как всё здесь, на полуострове. Сначала подъём шёл полого, потом вздымался коричнево-серыми скалами, чем-то похожими на зубы дракона, заснувшего вечным сном. А ещё дальше и выше, над скалами, лежало небольшое плато. Ирвингу пришлось сощуриться, чтобы разглядеть белые шары и ажурные башенки. Раньше это была вотчина военных – станция космической связи и слежения. Когда построили Наукоград, её хотели демонтировать, но Ирвинг упросил старшего куратора не делать этого. Чувствовал: уникальная техника пригодится. И не ошибся. Теперь станция принадлежала Гамильтону. Вернее, лаборатории квантовой физики, которой он руководил. Разумеется, её антенны не ловят больше сигналы орбитальных дредноутов и гипотетические «летающие тарелки» не выискивают. Теперь они заняты сканированием физического вакуума, того бесконечного, безбрежного океана, в котором плавают песчинки вещества.

Морщины на лбу Ирвинга разгладились, улыбка тронула губы. Мысли о работе всегда успокаивали, прогоняли дурное настроение. Нет, не прав Николай, трижды не прав, заявляя, что они здесь занимаются наукой ради науки. Наукой ради людей! Пусть нынешнее поколение погрязло в сомнительных развлечениях и потому потеряно. Но их дети, или внуки, или правнуки будут иными, обязательно! И вот ради них...

Сравнивать человеческий мозг и квантовый компьютер учёные начали давно, чуть ли не с рубежа тысячелетий. Но доказать, что наше сознание использует параллельные алгоритмы, а не последовательные, суперпозиции состояний, а не причинно-следственные связи, не удавалось ни тогда, ни столетием позже, когда эти самые квантовые компьютеры – квантеры, как их называли, – стали повседневной реальностью. К концу двадцать третьего века за гипотезой окончательно утвердилась репутация недоказуемой.

Ирвинг никогда не занимался проблемами когнитивистики. Его сфера интересов лежала далеко от особенностей человеческого мозга. Но именно он неожиданно – в том числе для себя самого – сделал крупнейшее открытие в этой науке, когда попробовал интерпретировать физический вакуум как массив квантовых регистров. Получалось, что некоторые ячейки сцеплены с логическими блоками ещё одного массива и каждый блок – человеческий разум. Виртуальные частицы, непрерывно рождающиеся в вакууме, тут же проецируются на человеческое сознание. Интуиция, озарение, предвидение – суть квантовые процессы, доступные каждому. Однако осознать их результат, загнать в жёсткую канву причинно-следственных связей умеют лишь единицы. Великие учёные, писатели, политики... Или просто – великие. Ноосфера отныне перестала быть абстрактным философским понятием. Реально действующий квантовый компьютер, логические блоки которого – все населяющие планету люди и сцепленные с их разумом ячейки вакуума. Какую задачу он решал, страшно даже представить...

Гамильтон не надеялся, что его открытием заинтересуются. Что его хотя бы заметят! Научные журналы больше не издавались, Академия наук превратилась в синекуру для отставных политиков и погрязших в маразме старцев. Ячейки вакуума, квантовые процессы сознания, ноосфера – полноте, кому это нужно в эпоху всеобщего удовлетворения потребностей? В Золотую эпоху Обдолба!

Но он оказался неправ. Заметили. Дали ресурсы, о которых он и мечтать не смел. Теперь Гамильтон не только знал о «Великом Ноо», он мог видеть его на экранах визуализаторов – пригодились-таки наработки военных. Ажурная паутина закрученных в спирали нитей и узелков, постоянно изменяющаяся, пульсирующая, несущая миллиарды кубитов информации.

Визуализатор стал любимой игрушкой Ирвинга. И он же сумел завести своего создателя в тупик. Гамильтон из любопытства ввёл цветовую градуировку узлов по частоте

обмена информацией. И вдруг паутина разделилась на две! То, что выпадало из поля зрения, пока было представлено столбцами чисел, сделалось очевидным. Зелёные и синие паутинки пронизывали друг друга, но никогда не смешивались. Каждая несла кубиты к собственным узелкам-человечкам. Значит, «Великий Ноо» не одинок? Их два? Но как делятся люди по принадлежности к ноосферам? И почему, собственно, делятся?

Синих узелков было больше, но в основном мелкие, тусклые. Зелёная сеть реже на шесть порядков, но вместе с тем ярче. Гении и обычные люди? Непохоже. Хотя бы потому, что и среди синих встречались не уступающие зелёным в яркости. В одном месте они образовывали плотный конгломерат, сияющий, словно голубая звезда-сверхгигант. Локализовать проекцию этой аномалии на трёхмерное пространство труда не составило – Наукоград. Зелёные располагались более равномерно.

Ещё одно различие: число синих за год наблюдений уменьшилось почти на три процента. Одни вспыхивали, другие гасли – люди рождаются и умирают. И умирают чаще, чем рождаются – по вине цветных вирусов. У зелёных погасли считанные единицы. Зато количество их увеличилось на семь с половиной процентов. Загадки, загадки, загадки...

Ответов у Ирвинга не было. Но как интересно будет их получить! А потом – задействовать мегаквантер для решения задач человечества. Например, найти панацею от цветных вирусов – раз и навсегда, чтобы не случалось рецидивов в будущем. Нет, не прав Николай. Они занимаются наукой не ради науки. Ради людей!

Дурное настроение ушло окончательно. Ирвинг повернулся к окну спиной, шагнул к столу. Ещё нужно успеть просмотреть отчёты секторов и набросать примерный график экспериментов на следующий месяц. И Мартин сегодня возвращается из столицы, надо поговорить с ним о выделении дополнительных энергомошностей для лаборатории. А для разговора нужны аргументы. Много, много работы...

Ирвинг потянулся к интеркому, пристроившемуся на углу стола. Зелёный глазок светил ярко и ровно... Как узел в паутинке «Великого Ноо»...

Догадка была такой же яркой. С минуту Ирвинг стоял неподвижно, ворочал её в голове из стороны в сторону, выискивал изъяны. И не находил. Разумеется, это вовсе не означало, что предположение истинно, что он разгадал одну из тайн мироздания. Пока что это гипотеза. А её следует подтвердить экспериментом. Или опровергнуть.

Ирвинг решительно ткнул пальцем в кнопку интеркома.

– Рой, готовьте пятый квантер к останову.

Старший инженер лаборатории растерянно уставился на него с экрана. Моргнул раз, другой. Переспросил:

– К останову? Надолго?

– Да, отключение от энергосети до полной заморозки логических блоков.

– Но как же... Восстановление займёт не меньше суток. На пятый завязаны системы внешнего периметра и...

– Я знаю! Под мою ответственность. Текущие задачи перераспределить на другие компьютеры по возможности. И обеспечьте регистрацию дополнительных скан-срезов – в пределах нашей локали. Это очень важно! Через десять минут я буду в лаборатории.

Пилот поднял флаер вровень с гребнем хребта, и впереди засверкало в лучах послеполуденного солнца море. Сегодня оно тихое, спокойное. И ослепительно-золотое. Если глядеть издали.

Чуть ближе, чем море, в седловине между горными кряжами лежал город. С высоты птичьего полёта отлично просматривались утонувшие в зелёной пене садов жилые коттеджи, прямоугольные бруски и полусферы лабораторно-производственных корпусов, трубы воздухоочистителей, кристаллическая призма Управления, оранжереи, фермы, поля.

В дальней части поселения – законсервированные древние строения – биостанция предков, превращённая в музей, надёжно укрытый от ядовитых испарений моря. Ещё три столетия назад название моря казалось поэтической гиперболой. Теперь оно и в самом деле стало чёрным. Мёртвое, вонючее, покрытое толстой радужной плёнкой. Искупаться в нём решился бы только изошрённый самоубийца-мазохист. Впрочем, это море не было исключением.

Картинка, открывшаяся под днищем флаера, выглядела чёткой, объёмной. И в то же время едва заметно дрожала, словно накрытая куполом знойного воздуха. Глаза не обманывали, купол и правда существовал. Но прикрывал город не раскалённый воздух, а силовой энергетический щит. И ещё одна невидимая мембрана отсекала его от неконтролируемой, ненужной информации извне. Город жил по своим правилам, устанавливал собственные законы. Нитка монорельса, убегаящая на северо-восток, – единственный жгутик, что связывал поселение с внешним миром.

Флаер перевалил через хребет и начал снижаться. Мартин Брут возвращался домой. Да, Наукоград давно стал его домом, а столица – чужим городом. Ещё вернее – вражеским. Нынешняя поездка подтвердила это окончательно и бесповоротно.

Началось всё много лет назад, когда принималось решение расформировать военное ведомство, а ставшего в одночасье ненужным министра отправить в почётную отставку – «пасти яйцеголовых». Кому именно из членов Правительства пришла идея строить на берегу Чёрного моря, на месте старинного биозаповедника «заповедник для мозгов», Брут не знал. Но отказываться от предложенного он не стал. Если нет возможности защитить всю планету, нужно создать хотя бы оплот, неприступную цитадель. Собрать лучших солдат, вооружить их самым эффективным оружием и готовиться к последней битве. Солдатами в этой войне были учёные, оружием – знания. А вчера... точнее, сегодня ночью, он узнал, что битва вот-вот начнётся.

В юности Мартину случилось посмотреть старый фильм. Название он давно забыл – неважно! Главное – сюжет. Два брата, один учёный, другой политик, решили спасти Землю от экологической катастрофы. Придумали, как это сделать. Статистика ведь хитрая наука, интерпретацией фактов можно жонглировать как угодно. Братья убедили Правительство, что причина экологических катаклизмов не в роковом стечении обстоятельств, не в головотяпстве отдельных чиновников, не в преступной халатности даже. Это планомерная акция враждебного разума. Доклад был подготовлен мастерски, в Правительстве поверили, начали действовать. Но потом всё развалилось как карточный домик из-за досадного и совершенно невероятного случая. И братья озадачились – а может, всё так и есть? Может, сами того не подозревая, они открыли страшную тайну?

Фильм был чистой воды фантастикой. Но Мартина он заставил задуматься: вдруг это режиссёр, сам того не подозревая, открыл страшную тайну? Сто лет назад обрушившаяся на планету экологическая катастрофа казалась главной опасностью. Во времена Брута она стала делом привычным, обыденным, а значит, не таким и ужасным. Оказалось, что жить можно и в уничтоженной экосистеме, да ещё и радоваться. Весь вопрос – кто эти счастливые обитатели планетарной свалки? Вслед за разрушением окружающей среды началось разрушение человека. Или предпосылки этого появились гораздо раньше?

Единогласно, можно ли трактовать научные открытия двадцать первого – двадцать второго веков как технологическую сингулярность, нет до сих пор. Но то, что открытия эти изменили мир, несомненно. Технический прогресс шёл бок о бок с социальным.

Первой в ряду великих революций стала информационная – квантовые компьютеры пришли на смену классическим. Эпоха «индивидуализма» в информатике, эпоха персональных вычислительных устройств закончилась – квантер плюс сеть терминалов оказывались на порядок эффективней для решения любой задачи, будь то управление ракетными пуско-

выми установками или онлайн-игра. И вместе с тем закончилась эпоха неконтролируемого распространения информации. Идея, что всем миром можно управлять – править! – как единым целым, больше не казалась утопией. Глобализация перешла на новый уровень. Слово-сочетание «Мировое Правительство» было у всех на слуху.

Решение уравнений квантовой хромодинамики на рубеже двадцать первого и двадцать второго веков стало предпосылкой энергетической революции. Человечество получило неисчерпаемый источник дешёвой энергии. И перестало зависеть от природных энергоресурсов и тех, кто ими владел. Править планетой стало ещё легче.

Первая половина двадцать второго века, пищевая революция. Синтез белков, жиров, углеводов. Угроза голода осталась в прошлом. А вместе с ней – животноводство, земледелие, рыболовство, необходимость рекультивировать почву и заботиться об экобалансе. Высвободившиеся из сельхозоборота территории превращались в пустыри или свалки. И что не менее важно – теперь принадлежащие богатым пищефабрики могли легко прокормить всех бедных. Голод оказался оружием куда более действенным, чем ракеты и бомбы. Неудобные режимы рушились один за другим. Мир становился единым целым.

Вторая половина двадцать второго века: разработка полимеров и сплавов с любыми заданными свойствами, прорыв в бионике и робототехнике – микробионическая революция. Один квантер управляет тысячей ботов-эффекторов, и каждый бот способен заменить десяток, а то и сотню работников. Человек наконец-то освобождён от физического труда. А Правительство – «мировым» его больше не называли, оно стало единственным – от необходимости считаться с профсоюзами, оппозицией, «левыми» партиями. Впрочем, об этом никто не жалел. Сытое, умиротворённое, праздное человечество вступало в Золотой век.

Однако реальность внесла свои коррективы. Освобождённые от забот о хлебе насущном люди отчего-то не поспешили к духовному самосовершенствованию и интеллектуальному развитию. Оказалось, что большинство не способно ни на что иное, кроме как вкалывать ради сытого брюха либо убивать себе подобных. Миллиардные толпы бездельников отныне требовалось не только кормить, но и развлекать, чем-то заполнять их неимоверно разросшийся досуг.

А между тем Золотой век обернулся веком Кошмаров: глобальная экологическая катастрофа, пандемия цветных вирусов – лишь самые страшные из них. Решать проблемы было слишком долго и дорого. Гораздо дешевле приспособиться к ним. Вернее, научиться не замечать. Счастливый, тупеющий на глазах мир Всеобщего обдолба. Ещё несколько поколений – и человек разумный окончательно превратится в человека жрущего и гадящего. Вернее, в жрущее и гадящее существо, обречённое на вымирание.

Так кто же на самом деле правит планетой?!

Брут единственный осмелился вслух заговорить об угрозе «всеобщего благоденствия». Именно с его подачи военное ведомство запустило программу сканирования околоземного пространства во всех мыслимых и немыслимых диапазонах. Если чужое вмешательство существует, они должны его зафиксировать! А в том, что оно существует, Мартин не сомневался. Просто враг ударил первым.

На закрытом заседании Правительства вице-премьер по вопросам безопасности весьма и весьма язвительно прокомментировал инициативы военных: «Наши brave вояки совсем заскучали. Не с кем бодаться, так они игры себе придумывают. Не слишком ли дорого обходятся эти игрушки государству? Для научных изысканий у нас есть профессора и академики. Зачем же их дублировать? Может, пора задуматься об экономии? Наши ресурсы не безграничны». В чём-то он был прав, «бодаться» и правда стало не с кем – с последним неподконтрольным Правительству анклавом покончил ещё предшественник Брута. А если внешнего врага нет, зачем кормить армию? И тем более военного министра? После того

заседания Мартин Брут и уехал строить Наукоград. Идея была недурна – собрать лучшие мозги в одном месте, уберечь от деградации. Сохранить научную элиту для будущих поколений. К тому же и место казалось удачным – не так много уцелело уголков, не изгаженных окончательно, да ещё в самом сердце цивилизованного мира.

Бывшего министра, а отныне старшего куратора «Проекта Калиеры» на заседания Правительства больше не приглашали. Даже аудиенций у премьера он удостоивался крайне редко. Разве что министр по науке снисходил до пространных бесед. Но этот человек ничего не решал, а потому был Бруту неинтересен.

Зато весьма интересной оказалась Карла Ленова, занимающая внешне незаметную, но ответственную должность в аппарате вице-преьера по безопасности. В прошлом майор Ленова возглавляла пресс-службу военного министерства. Возглавляла недолго, Брут уволил её за некорректные высказывания о космических инициативах. Тот давний инцидент немало поспособствовал карьере чиновницы: в аппарате вице-преьера прекрасно знали, что Ленова и Брут никогда не были дружны. Они и не дружили – поддерживали сугубо деловые, прагматичные отношения. Иногда сдабриваемые постелью. Физическая близость ведь не мешает деловому общению, в отличие от эмоций, привязанностей и прочих «эмпиреев».

Сегодня ночью, когда уставший и разомлевший Мартин готовился окунуться в дрему, Ленова неожиданно придвинулась к нему:

– Брут, тебе не нужно возвращаться в Наукоград.

– Почему? – лениво поинтересовался он.

– Я сомневалась, стоит ли говорить... Учти, я рискую, передавая тебе эту информацию.

Не только должностью, но и, вероятно, жизнью.

Дрёмы как не бывало. Мартин приподнялся, опираясь на локоть.

– Что случилось?

– Мы готовим проект постановления о закрытии Наукограда.

– Что?! Не может быть. Я сегодня встречался с министром, и он...

– Министр науки не входит в число посвящённых.

Мартин сел на кровати, отбросил одеяло. В свете ночной люминесценции лицо Карлы казалось неестественно бледным, мёртвым.

– Ерунда какая-то... Такое нельзя провести кулуарно, требуется веское обоснование. В Наукограде собраны лучшие учёные Земли. Нельзя просто объявить, что исследования, которым они посвятили полжизни, прекращаются без объяснения причины. Нельзя выгнать их с насиженного места, в конце концов. Они не подчинятся!

Ленова вздохнула.

– На это проект и рассчитан. В случае малейшего сопротивления будет объявлено о попытке путча. План «Б» включает приказ о силовом решении.

– Как...

Мартин прикусил губу. Кое о чём он знал лучше Леновы. Например, о технологиях двойного назначения. Энергостанция Наукограда в один миг превратится в фугас, мощности которого с лихвой хватит, чтобы поднять в стратосферу весь город. Силовой экран защищает снаружи, но никак не изнутри.

Ленова оценила его молчание по-своему. Тоже села, взяла за руку.

– Брут, тебе незачем участвовать во всём этом. опереди их. Завтра же подай прошение об отставке. У тебя законное право на почётную пенсию. Уезжай в какую-нибудь глушь, затаись. Подожди, пока о тебе забудут.

Помедлив, добавила:

– Если хочешь, поедem вместе.

Мартин не отвечал, был слишком потрясён услышанным. Значит, противник уже замахнулся для последнего, решающего удара. А он так и не сумел разглядеть его лицо,

понять, от кого защищает человечество. Он делал ставку на отлаженную веками военную машину – и проиграл. Потом на сумасшедшего гения Гамильтона, придумавшего сказку о «Великом Ноо», – и вновь проиграл. Не исключено, что вся возня с Наукоградом для этого и затеяна – одним ударом обезглавить человечество. А место в самом деле «удобное». Седловина удержит ударную волну, близлежащие мегаполисы не пострадают. А если и пострадают – кто станет считаться? Все жертвы спишут на «путчистов». Так что, отступить, трусливо сбежать, забиться в щель, словно крыса?

Мартин покачал головой.

– Я не оставляю людей, за которых взял на себя ответственность. И я так легко не сдамся.

Ленова внимательно посмотрела на него.

– Брут, неужели ты становишься сентиментальным? Я думала, ты умнее. Что ж, как знаешь. На этом наше сотрудничество закончено.

Она снова легла, отвернулась к стене. Бросила, не поворачивая головы:

– Надеюсь, мне не придётся пожалеть о болтливости.

Столица провожала Брута холодной, пропитанной смогом сыростью, а на полуострове продолжалось лето. Трава на склонах Калиеры пожухла, выгорела, но зелень садов, окружающих Наукоград, ещё не разбавили желтизна и багрянец. Мартин внезапно сообразил, что воспоминания о поездке выбили его из реальности довольно-таки надолго. Флаер давно должен стоять на посадочной платформе Управления. Тем не менее они по-прежнему кружили над городком.

Брут быстро включил связь с пилотской кабиной.

– Что происходит? Почему не идём на посадку?

Пилот замялся. Пришлось прикрикнуть:

– Ну?!

– Диспетчер не отвечает. С городом нет связи. И автопилот не обрабатывает сигнал «свой-чужой».

Несколько секунд Мартину понадобилось, чтобы переварить услышанное. Наконец он спросил:

– Нас что, не пускают?!

– Скорее, сбой в системе.

Мартин плотно сжал губы. Сбой, значит. Или противник опять опередил? Каким-то образом сумел взять под контроль его цитадель.

– Садиться на внешний аэродром? – неуверенно предложил пилот.

– Да, – ответил Брут. А что оставалось делать?

На полуострове действительно было лето. Мартин ощутил это на собственной шкуре за те полчаса, пока шёл по раскалённому бетону лётного поля, а затем стоял у ворот на станции монорельса рядом с двумя дюжинами таких же потных, измученных жарой посетителей. Большею частью это были жители внешнего мира, получившие статус соискателей и приехавшие в назначенное время для собеседования. Они безропотно ждали своей очереди, которая почему-то остановилась ещё час назад, и теперь с изумлением и опаской поглядывали на коренастого краснолицего толстяка, устроившего настоящую бурю.

Когда охрана периметра в конце концов вручную открыла ворота в защитном куполе, Мартин успел дойти до соответствующей кондиции. На приветствие парней в куртках с эмблемами Наукограда и короткоствольными автоматами через плечо отвечать не стал, сразу направился на пост контроля.

Дежурный офицер, молодая девчонка, побелела лицом, едва поняла, кого мариновала на проходной.

– Лейтенант, вы можете объяснить, что за безобразие творится в городе?! Почему не работает связь? Что с защитным экраном? Вы вообще для чего здесь сидите? Юбку протирать?!

Судя по нашивкам, девушка была старшим лейтенантом. Ничего, пусть попереживает, теряясь в догадках: для краткости куратор упустил «старшего» или в самом деле понизит в звании.

Девушка облизнула пересохшие губы:

– Внешняя связь и автоматика периметра отключены...

– Я и сам вижу, что отключены! Почему в городе не введено чрезвычайное положение? Почему не удосужились выйти наружу и связаться со мной?

– Господин старший куратор, но у нас нет чрезвычайного поло...

– Нет?! Лейтенант, ты что, дура? Может, тебе лучше вернуться к обдолбам? Там тебе с твоими мозгами самое место.

Губы девушки начали мелко дрожать, в глазах показались слезинки. И это ещё малая плата за пот старшего куратора. А главное, за его страх, что никак не хотел отступить.

– Распоряжение господина Гамильтона... – Наконец офицер сумела вставить слово в яростный монолог начальника.

– Что – Гамильтона?

– Он распорядился отключить внешнюю связь и автоматику периметра. Проводит какой-то сверхважный эксперимент. Он ведь подчиняется только вам.

Страх отпустил Мартина. Ничего не произошло в его отсутствие. Всего лишь очередная проделка сумасшедшего гения. Вполне безобидная – на этот раз Ирвинг даже не взорвал распределительную подстанцию.

– Распоряжение Гамильтона? Почему же сразу не доложили? Почему я должен вытаскивать из вас объяснение клещами?

– Но...

Она ничего не посмела возразить. Да Мартин и не собирался выслушивать оправдания девчонки, попавшей в Наукоград благодаря доброте дядюшки-генетика.

Опять выходить на улицу, ждать, пока подадут электромобиль, не хотелось. Тем более что к лабораторным корпусам вёл крытый путепровод. Брут развернулся и поспешил туда, на ходу включая коммуникатор.

Как обычно, Ирвинг не ответил ни на первый, ни на второй звонок. Мартин вновь нажал кнопку повтора. И едва не столкнулся с худым, высоким человеком, шагнувшим из бокового коридора.

– Брысь из-под ног, – буркнул.

Человек послушно отступил в сторону, склонил голову. Под мышкой он держал поблёскивающую металлом узкую трубу с пучком длинных стержней на торце. Уборщик, что ли? На зрительную память Мартин не жаловался, знал всех постоянных жителей Наукограда. Этот был незнаком. Значит, и в самом деле уборщик, кто-то из недообдолбов, вывезенный из внешнего мира по программе селекции. Но лицо... У внешнемирцев таких лиц не бывает. Злоба, зависть, лживое подобострастие, тупое самодовольство – вот что привык видеть Мартин, покидая Наукоград. Даже у тех, кого отбирали, в глазах долго ещё таился страх и недоверие – вдруг кураторы передумают, вышвырнут вон из-под купола? Незнакомец взглянул на него с сожалением. Со снисхождением даже.

Брут хотел оглянуться, окликнуть странного уборщика. Но не успел. Ирвинг наконец соизволил ответить на вызов, и старший куратор мгновенно забыл о встрече.

– Мартин, ты уже в городе? Отлично! Приходи ко мне в просмотровый, увидишь кое-что интересное.

– Ты можешь объяснить, что за безобразие устроил?

– Какое безобразие? А, ты о защитном экране. Это ерунда, Виен скоро наладит. Зато теперь я всё понял!

– Что понял? Ты можешь изъясняться по-человечески?

– Нет, только показать. – Ирвинг хихикнул. – Приходи скорее!

Если бы не высокий статус руководителя Наугограда, Мартин побежал бы бегом. Пусть за десять лет гражданской службы он подрастерял былую выправку, но силы и выносливости хватало. Тем более климат-контроль в тоннеле путепровода работал превосходно.

Гамильтон встречать не вышел, даже из кресла не приподнялся, когда старший куратор ввалился в смотровой зал. Зато парочка ассистентов мигом порскнула прочь.

– Мартин, нас здесь двое!

Брут открыл рот, собираясь саркастически объяснить, что на зрение не жалуется. И вдруг понял – учёный имел в виду не себя и его, а нечто, происходящее на огромных, во всю стену, экранах. «Великий Ноо» мерцал, закручивая сине-зелёные спирали. Мартин видел эту картину раз десять за последний год. И готов был поклясться, что ничего в ней не изменилось.

– Ты рассказывал, – кивнул он. – «Ноо-зелёный» и «Ноо-синий», правильно?

– Верно, да не совсем. – Ирвинг снова захихикал. – Мы, люди, это Ноо-синий. Ноо-зелёный – это они.

У Мартина внутри ёкнуло. Они?! Значит, ещё ничего не потеряно? Ставка в игре оказалась верной: сумасшедший физик сумел-таки вычислить врага.

Боясь испугнуть удачу, он переспросил:

– Кто – они?

Ирвинг погладил кожух терминала:

– Они, я же говорю! Квантеры. Сегодня я сумел доказать это. Мы вывели из эксплуатации один компьютер – убили фактически, – и тотчас погас зелёный узелок в локации Наугограда.

– Разумные компьютеры?

Ирвинг засмеялся.

– Что ты! Каждый по отдельности не более разумен, чем калькулятор. Но все вместе, со сцепленными ячейками вакуума... «Ноо-зелёный» столь же разумен, как наш «Ноо-синий». Представляешь, Мартин, если бы люди могли увидеть эту картинку, скажем, лет триста назад, зелёных спиралей на ней бы не было. Хотя как бы они увидели? Визуализатор невозможно создать без квантеров. А как только появились квантеры, у планеты появилась и альтернативная ноосфера. Такой вот замкнутый круг.

Мартин вновь посмотрел на экран. Густая, запутанная и блёкляя синяя паутина. И пронизывающая её чёткая, уверенная – зелёная. И – поверил. Беспрекословно.

Всё становилось на места. Именно с созданием первых квантовых компьютеров связана информационная революция. Она же послужила толчком к эпохе обдолба. Сколько прекрасных открытий квантеры подарили людям! Ради того, чтобы их уничтожить. Чтобы очистить планету от своих создателей.

Теперь ясно, в чём ошибка Брута. Он искал пришельцев извне, прочёсывал ближний космос. А враг зародился здесь, на Земле. И это несоизмеримо хуже. Такого врага не прогонишь прочь, не заставишь убраться восвояси. Его можно только уничтожить. Потому что двоим «Ноо» на одной планете – тесно!

Мартин и сам не заметил, что говорит всё это вслух. Запнулся, представив, как, должно быть, выглядит со стороны. Свихнувшийся солдафон, не иначе.

Однако Ирвинг ничего выходящего за рамки здравого смысла в его речи не заметил. Ещё бы, он ведь и сам сумасшедший.

– Но почему ты думаешь, что «Ноо-зелёный» хочет нас уничтожить? Люди сами опустились до скотского состояния. Они просто не желают напрягать мозги.

И тогда Мартин добил его:

– Цветные вирусы тоже люди придумали? «Утечки из военных лабораторий! Мутация боевых вирусов!» – это всего лишь утка, запущенная в СМИ, чтобы окончательно скомпрометировать военных и избавиться от них. Уж от меня-то секретов не было. Да, работы с геномом человека велись. Но это должно было стать лекарством, а не оружием! Никто не мог объяснить, почему экспериментальные образцы превратились в цветные вирусы, как вышли за пределы лаборатории и начали распространяться по планете. Никто, кроме квантеров... Они давно контролируют Правительство. А теперь готовятся уничтожить Наукоград – поняли, что ты их вычислил. Так что механизм запущен. Подорвут энергостанцию, от нас даже пыли не останется.

Лицо Ирвинга побелело, на лбу выступили капельки пота. Мартин знал, чем припугнуть. Старый учёный наверняка уже видит, как его любимая дочь превращается в пепел.

– Мартин, ты же этого не допустишь? – просипел Гамильтон.

– Не допущу. Если ты мне поможешь. Его, – Брут ткнул пальцем в зелёную паутину на экране, – нужно убить, пока он не убил нас. Ты сможешь это сделать?

Ирвинг неуверенно пожал плечами.

– Можно попробовать отключить все квантовые компьютеры...

– Не пойдёт. – Мартин покачал головой. – Никто не позволит нам этого сделать. В первую очередь твой «Ноо-зелёный» не позволит. Нужно придумать способ, как прихлопнуть их всех разом.

Гамильтон задумался. Страх в его глазах исчез. Он снова решал интересную научную задачу.

– Тогда надо воздействовать не на логические блоки компьютеров, а на вакуум. Я проводил подобные эксперименты. Конечно, с отдельными ячейками, а не со всем массивом. Но принципиальной разницы не вижу. Только потребуется время, чтобы подготовиться.

– Сколько?

– Может быть, месяц...

– Слишком долго! Максимум – две недели. Что мы получим в итоге? Квантеры выйдут из строя?

– Нет, с чего бы? «Ноо-зелёный» исчезнет, а сами компьютеры будут работать по-прежнему. Хотя... Трудно предсказать заранее, надо экспериментировать.

– Действуй, – кивнул Мартин. – Все ресурсы Наукограда в твоём распоряжении. Но цель эксперимента не должна выйти за пределы твоей лаборатории. И ты уверен, что сами по себе квантеры неразумны? Те, которые ты используешь, не догадаются? На сто процентов уверен?

Ирвинг улыбнулся.

– На сто пятьдесят. Я же тебе говорил, калькуляторы...

– Хорошо-хорошо! – Мартин вскинул руки. – Убедил.

Он не пошёл по закрытой галерее, ведущей к Управлению. На сегодня работа закончена. Мартин вышел в сквер, тянущийся вдоль лабораторных корпусов, неторопливо зашагал в сторону коттеджей. Солнце успело опуститься ниже западных кряжей, с гор потянуло прохладой. Какой хороший день выдался! Пусть противник замахивается, готовясь нанести сокрушительный удар. Мартин теперь видит не только его лицо, но и уязвимую, нежную плоть в сочленениях панциря. Быстрый выпад, точный укол – прямо в сердце. И зелёный монстр исчезнет навсегда. Деградация прекратится, хомо останется сапиенсом.

Глава 3

Две зари

Сосредоточиться на деле было трудно. Вот-вот с лёгкой руки Корсана-старшего родится новое чудо техники. Он назвал его «хамелеон Теслы» – в честь учёного, открывшего, что автомобиль способен работать на энергии магнитного поля Земли. Но разработка Николая – не просто автомобиль, а уникальный трансформ из композиционного полиметалла, и на означенной энергии он будет не только ездить, а ещё и летать, плавать, прыгать, нырять – в общем, делать всё, что хозяину угодно. И не загрязнять при этом атмосферу.

Особенно Николаю нравилась модель, которая из небольшой подлодки трансформируется в яхту, а затем – в огромную чайку. Не в самолёт, а именно в квазиживую птицу. Он представлял, как взлетит на ней в небо, как промчится над землёй, забыв о бесчувственных ногах. Кому нужны ноги, когда есть крылья? Пусть и металлические.

Но главное даже не это. Корсан-старший предвкушал, как изменится отношение к Наукограду, когда они подарят внешнему миру экологичное и удобное средство передвижения. Николай вдруг сплюнул.

Долгие месяцы он жил и дышал своими трансформами. А сейчас, когда расчёты и стендовые испытания подходят к концу и он сможет увидеть – пощупать! опробовать в деле! – первых «хамелеонов», задумался: «А кому достанутся мои машины? Моя гордость, композитные красавцы? Ничтожным динам? Вроде им не всё равно – уникальный механизм или дымящий паровоз. Только ослепшая от любви Марина может считать обдолба особенным».

Марина. Умная женщина и всё-таки полная дура! Съездил бы ей Дин пару раз по лицу, тогда бы прозрела. А ведь съездит! Если у неё хватит ума отказаться от Наукограда и переселиться к нему. И поделом дуре!

Стукнула дверь – в лабораторию вошёл Огней. Похоже, со смены ловец вернулся с добычей – рядом с братом семенил кто-то закутанный в длинный плащ.

– Торговала тяжёлой наркотой в подпольном киоске. Тебе секретарь случайно не нужен?

Николай едва не выронил зеркальный водомер.

– Прости, не понял?

Огней сорвал плащ. «Добычей» оказалась хрупкая перепуганная девушка. На Марину похожа. Такие же большие, слегка удивлённые глаза, такие же высокие скулы. Только, в отличие от леди Гамильтон, спутница Огнея была светловолосой и сероглазой.

– Познакомься, это Сэла. Она филолог, закончила столичный Лицей, факультет древней культуры. Однако во внешнем мире сейчас такое образование не кормит. Несовместима, видишь ли, древняя культура с законами оптимизации поисковых систем. Ни в один интернет-портал её не берут, говорят, больно творческая натура, не умеет прогибаться под целевую аудиторию. Пришлось подрабатывать, чем придётся.

И помолчав, добавил:

– Так что, нужна секретарша? Будет за тобой идеи конспектировать. Ты же постоянно жалуешься, что записываешь умные мысли где попало, а потом теряешь. Я её прямо на платформе подобрал – дежурный охранник меня вызвал разобраться. Из Кока приехала без приглашения, а что делать дальше, не знает. Стоит, смотрит на ворота и трясётся вся. Говорит, ночью копы накрыли их киоск. Владельцы свою задницу откупили, а ей сказали – выкручивайся, как знаешь. Один коп поставил Сэле условие: либо в тюрьму на три года, либо с ним в зону свободной любви в «Мегакруте» на всю ночь.

– Любви? Обычно у них говорят «траха».

– Это элитный клуб. Не суть важно. Выбор, скажу тебе, братик, ещё тот. В общем, она копу чего-то наобещала и рванула к Наукограду. Готова у нас полы с туалетами мыть, но я думаю, ей получше применение найдётся.

– Может, в газету её?.. – Николай осёкся.

Не возьмут её в газету, какой бы талантливой и творческой ни была. Внешнемировцы, если они не входят в список, составленный Советом кураторов, могут рассчитывать лишь на самую примитивную работу: уборщиками, официантами, в лучшем случае секретарями. Со временем, конечно, могут дорасти и до чего-то большего, но не сразу. По-хорошему, эту девочку и в лабораторию не пустят, но для Николая, как для калеки, должны сделать исключение. Знания по древней культуре опять же могут пригодиться. Наверное. И потом... Как Огней на неё смотрит! Неужели приглянулась девчонка? А почему бы и нет? Она хорошенькая, выглядит вполне приличной и аккуратной. Только запугана до смерти, но это пройдёт. И даст бог, выбросит брат неблагодарную Марину из головы.

– Хорошо, братик. Возьму я себе секретаршу.

Сэла радостно всхлипнула. Казавшаяся всё это время безразличной к своей судьбе, она оживилась, встрепенулась.

– Вот и договорились.

Огней стремительно вышел из лаборатории. Сэла посеменила за ним, периодически останавливаясь и... А что она делает? Девушка то ли норовила украдкой вытереть ноги – в Николаевой лаборатории! – то ли, наоборот, старалась что-то стереть с пола. Сотрёт, посеменит два шага и снова... Никак полы мыть учиться? Ей что, в Лицее не объяснили, чем должности секретаря и уборщицы различаются? Хотя чему удивляться? Во внешнем мире и тем и другим боты давно занимаются. А о наших порядках обдолбы столько баек насочиняли...

Николай вытянул шею, присмотрелся. Пол был чистый. Туфли Сэлы вроде бы тоже. Странная девушка. Впрочем, Огнею такие нравятся. Даст бог, даст бог...

Огней вышагивал по фойе Управления. Требовалось оформить девчонке комнату в общежитии, присвоить статус наукоградца. Вернее, сначала статус, а потом уже комната. Куратор внутренней службы столкнулся с ним в дверях и сообщил, что уходит в двухдневный отпуск. Мол, ищите Журавского, он на замене.

– Шеф прошлый раз полдня за воротами простоял, когда Ирвинг неожиданно отрубил автоматику, – объяснила секретарша. – Сейчас решил съездить во внешний мир до того, как наш гений начал новый эксперимент.

Да уж. Гений сумасшедший. Неудивительно, что дочка от него готова к обдолбам сбежать. При мысли о Марине Огней улыбнулся, однако тут же вновь помрачнел. Леди Гамильтон, как всегда, где угодно, но не с ним. Зато рядом толчётся Сэла, которую надо пристроить. Обычно оформлением занимались его подчинённые, и под купол новеньких брали только после ряда собеседований. Но старший ловец может сделать для своих протеже исключение. А эта замухрышка была его подопечной с самого начала. Он её заметил, лично за ней наблюдал около года. Что там наблюдал – они общались довольно часто, хоть девчонка не знала наверняка, кто он. Другие претенденты смотрели на него с надеждой, заискиванием, ожиданием и порой даже требовательно. А эта – с каким-то спокойным восхищением. Потому и не передал её никому. Не то чтобы Огней страдал сентиментальностью, просто... Просто не только леди Гамильтон умеет покровительствовать убогим!

Наконец появился заместитель Журавский. В наброшенном на плечи кителе с полковничьими нашивками, заспанный, как всегда. Из бывших вояк, которых привёл с собой Брут. «Порядок в городе обеспечивать». Огней терпеть не мог этих дармоедов. За двадцать лет в

Наукограде не то что ограбления, драки серьёзной не было. А от обдолбов силовой купол защищал надёжнее любой охраны.

Постоянно зевая, Журавский выписал Сэле временные документы и попытался снова удрать из кабинета. Но тут на пороге возник Давид Борн – тоже с группой соискателей.

– О, начальник! И ты здесь.

– Да. Везу новую наукоградицу на поселение.

– Хочешь, я сейчас своих оформлю и твою захвачу?

– Да уж будь добр.

Он развернулся, готовый уйти, и на секунду встретился взглядом с серыми глазами девушки. В них было... Уходить вдруг перехотелось.

– Нет, я сам. У меня ещё дело есть в общежитии.

Жильё Сэле понравилось. Огнём эти комнаты всегда казались слишком маленькими и тесными, но девчонка так восхитилась открывшимся из окна видом – миниатюрным водопадом в зелёной листве, – что казалось, остальное её не интересовало. Не меньше минуты любовалась, а потом повернулась к своему спасителю.

– Спасибо вам.

Огнём пожал плечами.

– Это моя работа.

– Я ещё не пришла в себя... Не верится... Вы можете подумать, что я неблагодарная – молчу всё время. Но я, когда шла сегодня утром к станции, даже не надеялась, что вечером стану жителем Наукограда. Если бы пришлось возвращаться, я бы... Спасибо, вы – мой спаситель.

Огнём попытался изобразить улыбку. Вежливая девочка. Познакомить её с Мариной, что ли? Пусть поучится леди Гамильтон манерам.

– Мне показалось, что ты хочешь о чём-то поговорить? В Управлении ты так посмотрела! Или я ошибся?

– Не ошиблись. Вы... Я вами всегда восхищалась. С первого дня знакомства. Но я и мечтать не могла, что однажды окажусь с вами под куполом. Вы не представляете, какая я счастливая. И как я вам благодарна. Спасибо, Огнём.

Сэла вдруг оказалась очень близко, попыталась прильнуть. Огнём отшатнулся невольно.

– Эй, ты чего удумала? Я тебе не коп из «Мегакрута»!

Краска бросилась в лицо девушки. Она попятилась, замотала головой.

– Простите, ради бога! Понимаю, я вас недостойна, я противна вам. Не знаю, что на меня нашло. Просто...

Потупившись, она прошептала:

– Я вас люблю...

Огнём хмыкнул. Вот так-так! А чему удивляться, у них, обдолбов, это запросто. Интересно, Динарий так же к Марине подъезжал? Мол, «люблю и пошли в койку»? Мерзкий тип. А Давид ещё предлагал его в качестве кандидата в наукоградцы. Сговорились они, что ли?

Впрочем, Сэлу ставить в один ряд с обдолбами неверно. Рафинированная, выросшая в столице девочка, умненькая, вполне чистенькая. И если леди Гамильтон позволяет себя «благодарить» таким образом, то уж ему, ловцу, как говорится, и бог велел.

Огнём поманил девушку пальцем.

– Иди сюда. Где ты набралась этих глупостей – «противна, недостойна»?

Сэла нерешительно приблизилась.

– Я...

Огней не дал договорить, обнял за плечи. Кожа оказалась неожиданно приятной на ощупь, и волосы шелковистые. А пахло от девушки чем-то неизвестным. Не чистые цветочные и травяные тона Наукограда, но и не приторная слащавость внешнемирской элиты, что-то иное. Странное и манящее.

Огней с удивлением понял, что хочет эту девушку, и немедленно. Ну а в её желаниях сомневаться не приходилось.

Всё же он не смог пересилить давнюю брезгливость ко всему внешнемирскому, когда губы Сэлы коснулись его губ. Отстранился.

– Погоди... Тебе нужно помыться с дороги. Ступай в душ, я подожду. Только не долго!

Она управилась за десять минут. Выпорхнула из ванной комнаты, закутанная в длинное махровое полотенце. И облегчённо вздохнула, увидев, что он сидит на койке – не обманул, дождался.

– Иди сюда, – позвал Огней. – Если ещё не передумала.

Ответом ему стала светлая улыбка. Девушка подошла и, когда он потянул за край полотенца, не стала придерживать, позволила соскользнуть на пол. Теперь, после пенки и шампуня, от Сэлы пахло как от любой женщины Наукограда – чистотой. Станный, не похожий ни на что аромат исчез. На миг Огней пожалел об этом.

Древняя башня, увенчанная четырьмя зубцами, казалась чужеродной в окружении коробок из серого растрескавшегося бетона и такого же серого мутного стекла. Сколько памятников архитектуры по всему миру разрушено, а она стоит. И нет ей дела ни до мельтешищих у подножия людишек, ни до влюблённой пары, идущей как бы вне всей этой толпы, ни даже до ночного клуба «Мегакрут», прочно въевшегося в её каменное тело.

Однажды Марина рассказала Дину, что башню построили ровно тысячу лет назад. А бастион – «та полукруглая пристройка, в которой сейчас ваш «Мегакрут» расположен» – веком позже. «Обдолб», – ответил Дин. И с гордостью добавил, что в «Мегакруте» к тому же есть площадка свободной любви. Кажется, тогда Марина впервые посмотрела на своего кавалера с презрением. Он истолковал взгляд иначе – об упомянутой площадке больше не заикался.

Марина отмахнулась от неприятного воспоминания – совсем оно не к месту. Две недели она не видела Дина – отец загрузил работой в лаборатории по самое не могу. И стоит ли в день долгожданной встречи думать о всякой ерунде? Да, Дин неидеален. Он испорчен внешним миром, но сегодня она обязательно поговорит с ним о переезде. А если повезёт – не только о нём, ей теперь многое нужно сказать. Надо лишь выбрать момент.

– О чём задумалась?

– Да так. Не могу привыкнуть к твоему Коку. Знаешь, у нас в Наукограде всё по-другому.

– Например?

– Деревья везде на улицах, клумбы с цветами. Люди иначе выглядят и ведут себя иначе. А ещё коты и собаки!

– Тоже иначе выглядят? Мутанты?

– Нет! Они просто есть. Идёшь, а в траве котята играют. Или два спаниеля нюхаются – натягивают поводки, рвутся друг к другу, а хозяйка недогадливые бредут дальше, разлучают бедняг. А у них, может, любовь или дружба. А у вас я и не вижу, чтобы кто-то животных выгуливал.

– Какой смысл в животных?

– Ну... Э-э-э...

– Читал я где-то, что раньше, в абсолютное допотопье, были люди, которые жили на севере. Вот ухлопы, как там вообще можно жить? Дубарь же невозможный, срань ледяная.

К-хм. Но дело не в этом. У них были собаки, которые тяжести таскали и вообще помогали выживать в этой заднице. Там от собак, конечно, был толк. А сейчас?

– Не знаю, как объяснить... Какой смысл в звёздном небе, в журчании ручья?

– Странные вопросы. Послушай лучше, я, пока тебя ждал, начал статью писать для портала «Трах в первый раз».

Дин включил карманный коммуникатор.

– «Во время секса со шлюхой надевай презерватив. Надевая презерватив, не надо прерывать любовную игру. Презерватив не должен надевать сам мужчина. Чтобы процесс надевания презерватива превратить в увлекательную игру, используй шлюху». Как тебе?

– По-моему, слишком часто повторяется слово «презерватив».

– Это для поисковой системы.

– И сами предложения построены немного, м-м-м, странно.

– Портал – для малолеток, им не нужны красоты, им важна суть. А поисковым ботам так легче найти слово «презерватив».

– Занятно...

– Это же очевидные вещи. Совсем вы в своём Наукограде одичали.

– В Наукограде обычно пишут статьи и книги для людей, а не для ботов!

– Не понимаю, что ты имеешь в виду.

– Ты же любишь Цветаеву. И не только её. Представь, что было бы, пиши все подобным образом.

– Этим «всем» не нужно поднимать свой рейтинг в Сети.

– Сам хоть понял, какую чушь сказал?

– Да что ты понимаешь вообще? У вас в Наукограде даже Инета нет.

– А у вас книг нет. Удивляюсь, где ты Цветаеву нашёл?

– В Инете.

Марина хотела ответить, но передумала. Они подошли к клубу.

– Давай сядем в белом секторе, – попросила она.

– Хочешь повтыкать?

– Вообще-то поговорить, но тихих уголков для разговоров в ваших клубах не предусмотрено.

– А я бы потанцевал.

– Ого! Что ж, пойдём в красный сектор.

«Так даже лучше, – подумала Марина, – потанцует, расслабится. Танцующий Дин – такое редкое явление...»

Впрочем, длилось явление недолго. Дин прошёлся туда-сюда по танцполу, дёргаясь под однообразное «тынц-тынц», затем сообщил, что у него разболелись ноги, и пошёл к столику. Марина – за ним.

– Устал? – прокричала она. – Пойдём в белый сектор?

– Нет, нет. Ты танцуй, а я просто музыку послушаю.

– Тогда и я просто послушаю музыку. – Марина села.

Дин с минуту молча на неё смотрел, потом обиженно выпалил:

– А могла бы взять меня за руку и повести за собой. Или ты стесняешься со мной танцевать?

Марина пожала плечами.

– Хорошо, пошли.

– Ой, ноги мои, ноги, – запричитал Динарий, едва они оказались на тонущей в цветомузыке площадке. – Ну всё, ты за этот танец со мной не расплатишься!

– Э... Не хочешь – не танцуй. Определись наконец!

Дин замер на секунду, сделал оскорблённое лицо и поковылял к выходу. А Марина разозлилась. Сколько сил она тратит, чтобы спасти человека, а человек этот даже не способен её выслушать! Какое-то время сидела неподвижно, меланхолично разглядывая красный сектор. А он был и не красный вовсе, а кислотно-разноцветный. Разве что боты, снующие между столиками и орудующие за музыкальным пультом, по цвету напоминали переспевшие помидоры. По форме – тоже. Зато сектор втыкания действительно белый. И сейчас в нём равнодушно взирало в пустоту несколько обдолбов. Находились они слева от танцпола и были отгорожены от него прозрачной, но звуконепроницаемой стеной. Такие же стены отделяли «белых» посетителей друг от друга. За дополнительную плату можно взять один отсек на двоих. К Марине подкатил бот и предложил скидку в фиолетовый сектор и флакон «Усилителя ощущений» в подарок. Марина рассказала, куда ему стоит сходить и в какое место свои ощущения засунуть. Бот сообщил, что ответ непонятен, и покатил дальше. Фиолетовый сектор. Говорят, там зеркальные стены и потолок. Ещё и с эффектом увеличения. Говорят, он усыпан «интимными помощниками» на любой вкус – от самых безобидных секс-игрушек до имитации средневековых инструментов пыток. И что из этого выберет твой случайный партнёр и кем он окажется – никогда не известно. Впрочем, ты всегда сумеешь отыгаться. Говорят, что туда идут, когда «коктейли обдолбов» перестают приносить мало-мальское удовольствие. И что «Усилитель ощущений» распыляют там прямо в воздухе. А ещё шёпотом добавляют, что не всем удаётся выйти из секс-зазеркалья живыми.

Марина даже не хотела поворачиваться в сторону фиолетовой стены, на которой то и дело мелькали голографические сцены любви. Однако не повернуться порой было сложно – вопли, доносящиеся из «свободной зоны», перекрикивали грохот музыки.

Нечто неопределённого пола подошло к столику и пригласило Марину на танец, после чего отправилось вслед за недавним ботом. Наконец она встала и начала пробираться к выходу.

Дин ждал на улице, и Марина вдруг поймала себя на мысли, что не знает, обрадовало её это или нет, но уж точно не удивило. Он подошёл, попытался обнять, Марина отстранилась.

– Объяснишь, что это было?

– У меня болели ноги. И я тебе не раз говорил: я никогда не танцую!

– Может, хватит глотать зелёную дрянь литрами? Глядишь, и ноги здоровей будут. А заодно и собственные слова забывать перестанешь.

– Что мне ещё сделать, чтобы тебе соответствовать?

– Соответствовать мне? Ты посмотри на себя! В век цветных вирусов умудрился родиться здоровым, чтобы потом угробить себя банальным алкоголизмом.

– Да, давай. Почитай мне нотации, как последнему ухлопу.

– Я не читаю нотаций, я хочу помочь.

– Опять будешь тащить меня в свой Наукоград? Здесь мои друзья, им не нужно, чтобы я менялся, вкуриваешь? Они любят меня таким, какой я есть! А ты – нет. И твой отец никогда меня таким не примет. Но на папашу твоего мне плевать, а из-за тебя – больно.

– Ладно. Послушай, допустим, я хочу, чтобы ты совершенствовался и развивался. Что в этом плохого? Ты не раз говорил, что я на тебя благотворно влияю. Ты можешь достичь многого, если захочешь. Я вижу твой потенциал.

– Говорю же – ты не любишь меня таким, какой я есть! А значит, совсем не любишь.

– Ты меня не слышишь.

– Если любишь, переезжай ко мне. В дупло твой Наукоград!

– Ты так боишься Наукограда? Но ведь ты его ни разу не видел. Пожалуйста, Дин. Выслушай. Я прошу тебя пожить со мной под куполом всего месяц. Тридцать жалких дней. Не понравится – уйдёшь, и я больше не буду к тебе приставать. Обещаю. Всё, что ты потеряешь, – один месяц жизни! Неужели тебе жалко его для меня?

Дин задумался.

– А если ты не можешь подарить мне этот месяц, нам больше нечего делать вместе, – добила Марина.

– Со-о-олнышко. Ну хорошо. Я согласен. Когда ты хочешь, чтобы я приехал?

– Чем раньше, тем лучше. Хоть прямо сейчас.

– Я слышал, к вам так просто не пускают...

– Я – дочь ведущего учёного Наукограда. Со мной пустят.

– Ну... – Дин переминался с ноги на ногу. – Давай попробуем. Мне надо вещи взять.

С мамой попрощаться.

– Отлично. Езжай за вещами, а я буду ждать в гостинице.

Номер оказался роскошным и убогим одновременно. Высокие потолки, просторные комнаты, мебель, наверняка скопированная с настоящих деревянных прототипов двадцатого, а то и девятнадцатого века. И в то же время – неистребимый запах освежителя, на этот раз «натурального хвойного», за окном вместо зелени Калиеры – грязно-жёлтые многоэтажки. Лучше бы она попросила номер с видом на пустырь и станцию – лазорево-белый вагончик теперь воспринимался маленькой частицей Наукограда. Марина долго шагала из угла в угол, устала, прилегла на кровать, но заснуть не получалось. Простыни были не первой свежести. И Дин задерживался. Небось с друзьями прощается, а не только с мамой. Ничего. Пускай. Зато потом он будет принадлежать лишь ей – не внешнему миру, не приятелям-обдолбам, не пошлым ночным клубам. Ей одной. И он не пожалеет. Полторы недели назад Марина узнала нечто такое, о чём теперь можно рассказать и Дину. Можно! Ведь он согласился на её условие, а значит, достоин услышать новость, которую Марина пока не доверила никому. Отец твердил, что она последнее время слишком бледная, что это всё из-за прогулок по внешнему миру. Как же он прав, как прав...

Прав, прав, прав...

Как, как, как...

Так, так, так...

Тук, тук, тук...

Марина потянулась, прикрываясь от весёлого солнечного луча, беспардонно бьющего в глаз. Ах, уже утро! Она всё же заснула, и спала бы ещё, если бы не настойчивый трам-тара-рам в дверь. Встала, повернула ключ в замке – в номер ввалился полуголый Дин.

– Оу, детка-а-а! Как ты тут, бе-е-ез меня? У меня улёт, полный обдолб, полный. Кхре... Хик! Мне никогда не было так... так... О, где унитаза?

Марина распахнула дверцу ванной комнаты, пропустила спешно ковыляющего Дина-рия, прислонилась к стене.

– Дин, (бэ-э-э-э-э) ты где был? И где твой чемодан?

– Как... бу-э-э-э... какой чемодан?

– С вещами!

Дин вышел из ванной, шатаясь, подошёл к кровати, свалился. На левом плече красовался кровоподтёк, поясницу украшали царапины. Да и хромать он стал сильнее обычного.

– Дин, что с тобой?

– Со мной – всё отлично! Иди-и-и скорее сюда. Мне тебя – хик – не хватало. О, как не хватало. Другой раз ходим вместе! Непр-ременно!

– Куда ходим? Мы в Наукоград идём, забыл?

– В дупло Наукоград. Мне и тут хорошо. Я даже не подозревал, как мне хорошо здесь.

В дупло твой купол!

– Дин?!

Марина схватила кувшин с водой и вылила кавалеру на голову. Он завопил, затрясся, будто огромный пёс и наконец посмотрел на неё более-менее осмысленно.

– Очнулся? Может, теперь объяснишь, что случилось за эту ночь?

– Я... Б-р-р-р. Ага. Значит, так. Ты уехала в гостиницу, а я решил заскочить в «Мега-крут». На полчаса. В зону свободного секса. Не смотри так! Я подумал: «Вдруг больше сюда не вернусь?» Хоть попробую напоследок. Не смотри так! Это... это было – оу-у-у-йе-е-е-е! Непер-р-редаваемо. Солнце! Любимая! Зачем нам твой купол? Говоришь, я не видел Наукограда? Да ты ведь не видела всего остального мира! Тебя же никуда не затащишь. Боишься вечно какого-то укура, а вокруг столько кайфа. У вас такого нет. И не будет. Вы же там и не знаете, что такое кайф!

– Прощай, Дин. – Марина принялась натягивать платье.

– И куда ты? Под купол? Кому ты там нужна? Кому ты вообще нужна, кроме меня?

Марина обула босоножку. А где же вторая? Ладно, пройду босиком. Ах, вот она.

– Стой, солнце. Ты обиделась из-за того, что я сказал... А что я сказал? Наукоград. Это он нас разлучает. Не пушу!

Дин упал с дивана.

Марина вышла и закрыла за собой двери. Она не станет ему больше ничего говорить. Счастливая новость останется лишь её новостью. Она всегда презирала женщин, которые удерживали любимых мужчин силой.

Две недели на подготовку эксперимента. Да ещё и в полной секретности – указания ассистентам звучали примерно так: «Зайди в пятый корпус, чтобы никто не видел, включи тумблер, не скажу зачем, и дождись результата, не пойми какого. Как это ты не понял задачу? Хочешь из Наукограда вылететь? Выполняй! И не смей болтать нигде о том, что делаешь».

Впрочем, Ирвинг справился. На девяносто шесть процентов он был уверен в успехе мероприятия. И никто ничего не заподозрил. Только Марина вдруг стала беспокойной и начала с особым рвением тащить своего Дина под купол. А может, у неё очередное любовное обострение?

Ладно, разберёмся после эксперимента.

Главное, он это сделал – разработал алгоритм, позволяющий воздействовать не на отдельные ячейки вакуума, а на произвольные их массивы. Например, на «зелёного Ноо» целиком. Энергия столкновения ионов свинца в коллайдере – 14 тераэлектронвольт, состояние кварк-глюонной плазмы продлится 7 секунд. Этого хватит, чтобы разорвать сцепленность вакуума с квантовым массивом планеты. С отдельными квантерами он проделывал подобное – отключил от ноосферы компьютеры Наукограда. По его подсчётам, первая фаза эксперимента – сортировка логических массивов – займёт около суток. Вторая – декогеренция – всего полчаса. И эти полчаса решат судьбу человечества.

Ирвингу не терпелось увидеть результат. Завтра. Уже завтра он завершит дело, над которым работал, нет, не последние две недели – последние двадцать лет. Ирвинг потёр руки, прошёлся по лаборатории.

А Марина опять опоздала. Час дня, а её нет на месте. Хотя... Пусть сегодня побездельничает, она две недели отработала идеально, можно и поблажку сделать девочке. Главное, чтобы завтра была как штык в лаборатории.

– Да. Именно так! Завтра – как штык! – громко сообщил Ирвинг пространству, заставив вздрогнуть лаборантов, и пошёл к выходу. Напомнить дочери об её обязанностях.

Марина шла в лабораторию, грустная и невыспавшаяся. «Что ж, – размышляла она, – сбылась мечта отца, Дин исчез из моей жизни. Буду заниматься физикой, что ещё остаётся?» Она так задумалась, что не услышала сразу, как её окликнули. Давид Борн.

– Марина! Леди Гамильтон, можно тебя на минутку?

– Давид? Здравствуй.

– У меня для тебя записка. От Дина. Просил передать.

– Не хочу читать.

– Тогда я выброшу...

– Стой, дай сюда. Он трезвый был?

– Да, на удивление. Только какой-то подавленный. Ладно, я пошёл, дела.

Марина вздохнула. Развернула листок бумаги. Пробежала глазами по строчкам.

– Давид! – крикнула вслед ловцу. – Спасибо.

Дин просил прощения и умолял встретиться и ещё раз всё обсудить. Клялся никогда больше не заходить в фиолетовую зону и вообще не приближаться к «Мегакруту». Обещал мыть волосы и чаще менять футболки. Соглашался прожить в Наукограде не один испытательный месяц, а целых два. Но предупредил, что, если Марина не вернётся, он придёт в сектор свободной любви и позволит запороть себя насмерть.

Марина нервно засмеялась, а на глаза навернулись слёзы.

Что ж, закончится эксперимент... Хотя... Она свернула с дорожки к «беседке влюблённых», увитой серебристым вьюнком, села на скамейку. Что-то в грандиозной отцовской задумке её беспокоило. В первую очередь – повышенная секретность. Даже она, родная дочь, понятия не имела, над чем конкретно они работают. Вроде бы эксперимент связан с расслоением зелёного и синего Ноо, не дают отцу покоя эти цветовые вариации. А доступ под купол закроют заранее, чтобы не случилось паники, как в прошлый раз. Всё логично, всё понятно. Но отчего же так тревожно?

– Вот ты где!

Отец, лёгок на помине, спешил к беседке.

– Хочу напомнить, что завтра в мире науки произойдёт величайшее событие и ты обязана присутствовать.

– Папа, – Марина взяла его за руки, усадила на лавку, – скажи мне, что это за эксперимент?

– Завтра увидишь.

– Ладно, попробую иначе. Ты можешь гарантировать, что никому ничего не угрожает?

– А что может угрожать? Кое-что, возможно, изменится. Да не пугайся, к лучшему поменяется. Никто не пострадает, посмотри, сколько мы уже экспериментируем – хоть раз кто-то пострадал? На время второй фазы эксперимента мы заблокируем все входы-выходы из Наукограда. Во время первой будут открыты резервные ворота – на всякий случай. – Ирвинг поднялся на ноги. – А ты завтра в семь ноль-ноль должна быть в лаборатории.

– Хорошо. – Марина тоже встала. – Надеюсь, к тому времени мы с Дином успеем вернуться.

– Духу его чтоб не было под куполом! На прошлой неделе Огней официально забраковал его кандидатуру.

– Ах, Огней забраковал? Да как он... Кто он такой?!

– Вообще-то старший ловец.

– Но он не знает Дина. Это – не резюме профессионала. В нём говорит тупая ревность.

– Мне безразлично, что в нём говорит. Но в данном случае слово старшего ловца – закон. Хочешь, оспаривай решение Корсана у Мартина Брута. Не исключено, что твою жалобу даже рассмотрят. Месяца через два-три.

– Вот как. – Марина медленно кивнула. – Что ж. Вы не оставили мне выбора.

Она развернулась, сорвала с ног туфли на каблуках и побежала по дорожке.

– Марина! Куда ты? Не смей, слышишь, не смей идти к этому обдолбу!

Марина обернулась.

– Я иду не к обдолбу. Я иду к отцу своего ребёнка!

Николай придирчиво осмотрел своё новое творение. А что, девушкам должно понравиться. В данном случае – одной девушке, но со временем можно надеть много подобных украшений как для наукоградских модниц, так и для внешнемирских.

Осталось выбрать минуту и вручить подарок леди Гамильтон.

В дверь позвонили. Николай подкатил к двери, открыл... О! В гостиную зашла Марина.

– Слава мирозданию, ты дома! – Девушка прислонилась к стене, пытаясь отдышаться.

Бежала она, что ли? Николай подкатил к бару, налил стакан воды, протянул гостье. Она благодарно кивнула.

– Я запутала отца. Сделала вид, что бегу к дому, а сама рванула к тебе. Но он может догадаться, поэтому времени у меня мало.

– Э... Не понял ровным счётом ничего, но ты садись, не стой.

– Николай, я зашла попрощаться. Мой отец и твой брат не оставили мне выбора.

– Постой. Давай обо всём по порядку.

– Огней забраковал Дина. Я ухожу из Наукограда. Ты можешь одолжить мне немного продуктов и чистых футболок?

Николай моргнул. Вспомнилось недавнее опасение – «если хватит ума...». Накликал.

– Я-то могу, – произнёс неуверенно, – но и то и другое у тебя быстро закончится.

– Ничего. Что-нибудь придумаю. Николай, или ты мне помогаешь, или я пошла!

– Помогаю. Там холодильник – выбирай, что хочешь. А я принесу футболки.

Леди Гамильтон метнулась на кухню. Николай покатил в комнату, размышляя, что теперь делать. Позвонить Гамильтону? Вызвать Огнея? Нет, Марина никогда не простит. Лучше следовать собственному плану. Вовремя он подсуетился с подарком. Главное, чтобы Марина согласилась его принять.

– Держи, – сказал он подруге через несколько минут, – здесь не только футболки, но ещё и рубашки, тебе должны подойти. И чемодан с терморегуляционным отсеком – для продуктов.

– Николай, ты чудо!

– И у меня для тебя ещё кое-что есть. Подарок. Как оказалось, прощальный.

Он протянул девушке прямоугольную коробочку. Марина повертела её в руках, открыла. Осторожно достала подарок друга – диадему, сделанную из слепка веточек кипариса, выложенных причудливым образом. Украшение было покрыто красным золотом, а в центре его сиял рубин.

Леди Гамильтон задохнулась от восхищения.

– Ух ты! Красота какая. Николай, это ты сам сделал? Для меня?

– Да. В свободное от проектирования время балуюсь гальваникой.

Вещь действительно была изумительна. А сколько он с ней провозился! И дело даже не в том, что кипарисовые ветки никак не хотели складываться в узор, который бы удовлетворил Николая и понравился бы Марине. Не-е-ет, это всё мелочи жизни. Главное – красные мушки, которые окружили леди Гамильтон, едва она надела диадему. Для Марины это всего лишь красивый спецэффект, а на самом деле – микрочипы, «глаза» крохотной 3D-камеры, спрятанной под рубином.

Если Ирвингу наплевать на собственную дочь, а Огней способен лишь на диктаторские запреты, значит, он, Николай, сделает всё сам. Проследит за Мариной во внешнем мире. Диадема смотрится изысканно, но при этом не слишком пафосно. Да и волосы поддерживать удобно. В общем, Николай рассчитывал, что Марина будет носить украшение довольно часто.

Леди Гамильтон подошла к зеркалу. Осмотрела себя со всех сторон. Радость на лице говорила о том, что план удался.

– Николай, у меня к тебе ещё одна просьба. Позвони моему отцу и отвлеки как-нибудь. Позови сюда, можешь обо мне поговорить, он с удовольствием поддержит разговор. Главное, чтобы домой не зашёл в ближайшие минут двадцать. Наверное, это прозвучит глупо, – она смущённо улыбнулась, – но теперь я просто обязана вернуться за своим красным платьем.

Николай потянулся за визифоном и пообещал, что в ближайшие полчаса Ирвинг её не побеспокоит. Марина едва не задушила его в объятьях, схватила чемодан и бросилась к выходу.

Корсан-старший хмыкнул и нажал кнопку вызова. Да, он поговорит с Ирвингом. Ему есть что сказать.

Огней с командой возвращался под купол. Сегодняшняя вылазка была последней – впереди несколько дней отдыха. Впереди эксперимент – очередная блажь Гамильтона. Опять будут перераспределять энергоресурсы, отключат автоматику купола, и хорошо, если только её. Может, всё и к лучшему. Некоторые любительницы прогулок дома посидят.

Опередив ловцов, в ворота зашли несколько наукоградцев, возвращавшихся домой. Пропустив их, к вагончику монорельса поспешила девушка в кремовой тунике с широким поясом. Огней опешил на секунду. А это как понимать? Все под купол, а Марина – наружу?! И почему она с чемоданом?

– Эй, леди Гамильтон! Далеко ли путь держим и надолго?

Марина смерила его взглядом и ничего не ответила, не остановилась даже. Эх, женщины...

– Послушай. – Он догнал девушку. – Знаю, что отговаривать тебя сегодня не выходит – гиблое дело...

– Вот и не отговаривай, – огрызнулась Марина.

Огней уставился на кипарисовую диадему с рубином. Ага, успел брат. Что ж, тогда всё не так уж безнадежно.

– Не буду. Только попрошу тебя вернуться к утру. Все входы заблокируют неизвестно насколько – кто знает, что наш гений, к-хм, в смысле отец твой наворотит в этот раз.

Марина вздёрнула подбородок, процедила сквозь зубы:

– Если я вернусь, то только с Дином.

Огней покосился на диадему.

– Возвращайся, с кем хочешь. Главное – возвращайся.

В глазах темноволосой красотки мелькнуло удивление.

– Могу ли я расценивать эти слова как одобрение тобой кандидатуры Дина?

– Там видно будет.

– Договорились. Я вернусь.

И уцокала к вагончику. Огней смотрел ей вслед, пока двери не захлопнулись. Хотелось догнать, вернуть, утащить в Наукоград на руках... и напороться на поток ненависти и презрения. Женщины, что же вам нужно от жизни? Кто бы объяснил.

Не к месту вспомнилась вчерашняя сцена с Сэлой. Огней оделся и пошёл к двери, а она всё лежала на маленькой неудобной кровати и смотрела на него со спокойной улыбкой на губах. И молчала. А Огней внезапно понял, что ему очень хорошо и на душе легко, беззаботно – давно уже так не было. Вот только почему она молчит? С одной стороны, правильно, что не бежит за ним, не умоляет прийти ещё раз, с другой – могла бы хоть слово сказать.

И она сказала.

– Спасибо. За то, что был нежен. И чист.

И снова замолчала. Лишь смотрела на него во все глаза, словно он – чудо-юдо инопланетное.

Странная девка! А чего она ждала? Копа из «Мегакрута»? И что она вообще имела в виду? Нежен ещё так-сяк, а чист? Неужели намекала на то, что её в душ отправил, а сам – не пошёл? Ладно, бог с ней. За Марину душа болит.

В «Мегакруте» Дина не оказалось. И слава мирозданию! В «Быстрожрать», на удивление, тоже, как и в остальных трёх любимых Дином забегаловках. Марина вдруг поняла, что не знает его домашнего адреса. Они всё время встречались либо в гостинице возле станции, либо в барах. Марине казалось, что Дин стесняется приглашать её домой, потому никогда и не напрашивалась в гости. Считала, что ещё всё впереди, что у них много времени.

И никакие Шпак с Гвоздём не встретятся – то крутятся под ногами, того и гляди, споткнёшься, а то словно провалились все.

Она вышла на площадь, название которой так и не удосужилась узнать, села на скамейку под плакатом с рекламой мужского достоинства. Болели ноги и – что ещё хуже – от беготни по городу расшатался каблук. Того и гляди отвалится. Нет, она, конечно, любит ходить босиком, но не по усыпанному же мусором асфальту! Марина закрыла глаза. Навалилась усталость, зашумело в ушах. Представилось, что она мчится в вагоне в Наукоград вместе с Дином, а перед глазами мелькают склоны гор, сливаясь в одно зелёное полотно. И жужжит, жужжит монорельс под колёсами вагона.

Марина открыла глаза. Горы и рельсы исчезли, а жужжание осталось. К ней катил бот-уборщик, а за ним плёлся высокий худой мужчина. Проклятье, его только не хватало!

Обдолб подошёл, наклонился. И тихо произнёс:

– Я не уверен, но если это всё-таки ты... Когда другого пути не останется, когда увидишь смерть – шагни в радугу. Там темно и пусто, но ты не бойся, сместись на сто лет вперёд. Если это всё-таки ты, то получится. Сто лет – запомни!

Марина отшатнулась.

– Вы псих, да?

– Ты сейчас ничего не понимаешь, но это пока и не нужно. Главное, запомни. Радуга. Пустота. Сто лет.

Марина вскочила и быстро пошла прочь.

– Кстати, – прокричал сумасшедший вслед, – тот, кого ты ищешь, живёт по адресу Большого зигзага, пять, квартира восемнадцать. За углом монорельс – прямая ветка.

Марина остановилась. Кто этот ненормальный, ухлоп его раздери?!

– Помни про радугу!

Марина помчалась к монорельсу.

Как ни странно, незнакомец не соврал. Дин действительно жил по указанному адресу. Правда, поняла она это не сразу. Дверь открыло странное расплывшееся существо, которое с трудом сфокусировало на Марине взгляд, после чего сообщило:

– Блэээ-блүүуэээ-флэээааа!

– Здравствуйте, – пробормотала Марина, проклиная психа-уборщика, – я, наверное, ошиблась...

И тут из-за спины существа вырос Дин.

– Ты?! Проходи скорее! Мама, посторонись. Моя Марина пришла.

– Фке!

Дин смутился, а Марина поняла, почему её никогда не приглашали в эту квартиру.

– Солнце, ты здесь. Тебе передали записку?

– Да.

– Ффффф!

– Проходи же! Мама, иди отдыхай.

– Дин, нам надо уходить. Времени мало.

«И синтетический», – подумала Марина, но вслух ничего не сказала. Только вздохнула и сделала глоток.

...Перед глазами мелькали зелёные склоны гор, они с Дином наконец мчали в Наукоград. Мечта сбылась – любимый начнёт новую жизнь, и никто больше их не потревожит. Тряхнуло. Вагончик подпрыгнул, затем стремительно помчал вниз. Сегодня он вообще вёл себя как-то подозрительно, всё время вихлял, норовил сойти с рельса и врезаться в белое дерево.

Откуда здесь берёза?

Давным-давно, в прошлой жизни, на глазах совсем маленькой Маринки несколько взрослых дядек вырубили берёзовую рощицу. То есть рубили боты-лесорубы, дядьки скорее всего пришли поглазеть на бесплатное шоу, просто девочка этого ещё не понимала. Да и не рощица там была – так, три рядка молоденьких белоствольных деревьев за домом. Но Маринке они казались целым лесом. Как они с подружкой Валюшкой любили играть в этом «лесу», какие сказочные истории сочиняли о каждой берёзке, о волшебных жителях, скрывающихся под листвой, о неведомых тропках между белыми красавицами.

И как она плакала навзрыд, когда берёзки одна за другой падали под жужжание электропил. А старшая Валюшка изо всех сил утешала её, одновременно пытаясь уговорить взрослых отключить машины.

Дядьки смеялись. Боты продолжали работать.

А сейчас они вернулись. Через годы, чтобы спилить берёзы, случайно оказавшиеся около монорельса. Боты-лесорубы наступали, омерзительно жужжа. И Марина вдруг поняла, что их цель – не деревья. Вагончик остановился и никак не желал ехать дальше. Дин куда-то пропал. А боты всё наступали.

Марина попыталась закричать, но не смогла.

...Глаза открывались с трудом, а голова, казалось, превратилась в сосуд для расплавленного свинца. С огромным усилием Марина вырвалась из липкого сна. Растерянно заморгала.

– Солнышко. Доброе утро, – над ней нависло улыбающееся лицо Дина.

– Я... – Язык упорно не хотел ворочаться. – Вы что, меня накачали?

– Это друзья пошутили. Разбавили сок. А я не уследил. Не сердись, они уже ушли.

– Сколько время?

– Пять часов.

– Утра?

– Вечера.

– Проклятье!

– Опять ты сердишься. Расскажи лучше, что тебе снилось?

– Что я вот-вот умру.

Марина заставила себя подняться с матраца. В комнате пахло пылью и перегаром.

– Значит, жить будешь долго. Хочешь кофе?

– Нет. Надо уходить. – Как же голова кружится. – Немедленно!

Но немедленно не получилось. Вчерашняя шутка дружков дала о себе знать – Марине понадобился час, чтобы прийти в себя и начать более-менее твёрдо держаться на ногах. Вспомнился вдруг сумасшедший уборщик, и Марина поймала себя на том, что пытается отыскать в квартире Дина загадочную радугу. Пол и мебель были покрыты слоем пыли и завалены всяким барахлом, и ничем похожим на семицветное коромысло похвастаться не могли. Марина отругала себя за паранойю и в который раз умылась холодной водой.

В другой комнате раздражённо бубнил Дин – что-то втолковывал матери.

– Уже почти двенадцать часов наши физики колдуют и до сих пор ничего не взорвали. Странно, правда? – спросил Огней, а Николай задумался – то ли шутит брат, то ли серьёзен.

Младший Корсан, не дождавшись ответа, продолжил:

– Видел утром Ирвинга. Марины с ним не было. Так и не вернулась?

– Спит ещё, видимо. Пришла под утро.

– Пришла? Одна? Или с этим...

– Они поссорились.

– Неужели?!

– Но я бы на твоём месте не обольщался – они постоянно грызутся. Хотя в этот раз он перешёл черту, такое выкинул, на голову не наденешь.

– Странно. Выпросить у меня разрешение для своего обдолба и оставить его там. Что же он сотворил?

– У тебя? Выпросить? – Николай приподнялся в кресле.

– А ты что, не видел?

– Не понял?

– Ты же наблюдал за ней с помощью супердиадемы. А я прямо в чёртов рубин сообщил, что снимаю запрет для ненаглядного Дина-а-ария.

– Хм.

– Покажи-ка мне запись её приключений.

– Мне кажется, это не совсем корректно по отношению к Марине.

– Некорректно? Ты устроил за ней слежку! Да и в наши камеры она регулярно попадает. Показывай, что снимал!

– Потом. Расскажи лучше о Сэле. Я беру на работу нового человека и хочу знать о нём некоторые подробности. Как она себя чувствует в Наукограде?

– Сэла осваивается и чувствует себя великолепно. Покажи запись! Где она у тебя? Сейчас сам найду!

– Пользуешься превосходством над калекой? Сударь, вы подлец! Ладно, ладно, оставь в покое мой письменный стол. Я сдаюсь. – Николай включил компьютер, поднял на брата взгляд. – Послушай, Марина – хорошая девушка, и, возможно, с обдолбом у неё всё кончено. Но тебе нужен кто-то более надёжный и более взрослый.

– Всё сказал? Запись покажешь?

Николай вздохнул и запустил видео.

Огней прилип к экрану. Вот Марина идёт к воротам, развеивается лёгкая кремовая туника, цокают каблочки, мельтешат около девушки красные мушки, а сама она машет рукой дежурному.

– А где же я? – пробормотал удивлённо.

Вагончик мчится по монорельсу, обдолб на площади с треугольными столбиками, башня с четырьмя зубцам, Дин отказывается танцевать, бот предлагает Марине зону свободной любви. Марина и Дин разговаривают у входа в клуб, гостиница...

Огней мрачнел с каждой минутой.

– Останови, – потребовал наконец. – Я всё это видел. Вернее, не всё – только сцены в «Мегакруте», у нас теперь и там камеры. Даже в фиолетовую зону одну умудрились засунуть, к-хм... В общем, это было позавчера. Но она без обруча была. И в другой одежде.

Огней придвинулся к экрану, щёлкнул пальцами по планшету, увеличил картинку.

– Так и есть. Подделка. Она подсунула тебе переформатированное гипновидео.

– Э... – к экрану прильнул и Николай. – Однако. Как же я не заметил?

– Вы все привыкли считать Марину дурочкой, забывая, что у неё техническое образование и диплом с отличием, между прочим. Говоришь, вернулась утром и легла спать?

– Ну-у, так показала камера. И я сразу же позвонил Ирвингу сообщить, что дочь в безопасности. – Николай растерянно моргал.

– Он к ней не заходил?

– Вряд ли, он уже был в лаборатории, но я думаю...

О чём думал брат, Огней выяснять не стал. Выбежал из дома, бросился через клеверную лужайку, споткнулся об толстого рыжего кота, едва не упал в фонтан. Кот смотрел ему вслед круглыми глазами, кто-то кричал, что здесь тебе не внешний мир, чтоб по газонам бегать, – Огнею было всё равно.

За пять минут он примчался к дому Гамильтонов. Заперто! Идти к Ирвингу? Ловец чувствовал себя идиотом. Марина небось давно в лаборатории. Или спит. Или развлекается со своим Дином, плюнув на науку. Последнее вполне вероятно и неудивительно, раз уж она ему и фиолетовый сектор простила. В любом случае Огней ей не нужен. И всё же... Почему так беспокойно на душе? И ком встал в горле. Корсан ударил плечом в дверь. Та всхлипнула и распахнулась – замки в Наукограде слабые, скорее для видимости, воров в городе учёных не водится.

Комната Марины пустовала. На столике – микрокамера из диадемы. А Николай думал, что хорошо её замаскировал. Ха-ха. Сам не зная, что и зачем делает, Огней принялся рыться в вещах, вытряхивать на пол бумаги, микрочипы, косметику, пока наконец не нашёл. Любовный гипнодневник. К счастью, Марина не забрала его с собой, всё-таки гипнокнига – это секретная технология. Но и уничтожить то ли не успела, то ли рука не поднялась. Потому просто спрятала. Огней подключил к вискам датчики, замелькали перед глазами картинки. Марина фиксировала каждый миг их с Дином любви. Целый роман, можно сказать, наваяла. И, как он и догадывался, картинку, скормленную Николаю, она вырезала из дневника и переформатировала в обычное видео. Десять минут работы. Плюс ещё столько же, чтобы наложить голограмму себя в чудо-диадеме и другой одежде. Топорно, кстати, наложила. На скорую руку. Только заикленный на своих «хамелеонах» Николай мог не заметить подмены.

А диадемы нигде нет. И красных туфель, и смелой кремовой туники с широким поясом, на которые он вчера любовался, провожая Марину взглядом, тоже. Значит, леди Гамильтон домой не возвращалась. А Ирвинг спокойно себе шаманит в лаборатории.

Огней сел на кровать, обхватил голову руками. Может, зря паникует? Не вернулась девочка домой ночевать, так ведь не первый раз. Да, не получится теперь за ней следить, но и до этого не следили, сама всегда возвращалась – живая и здоровая. Вряд ли и сейчас ей что-то угрожает. Но одного «вряд ли» недостаточно. От мысли, что ей может грозить хоть малейшая опасность, становилось дурно.

Марина, Марина... Уникальное создание, зависшее меж двух миров. Она слишком – по-детски – наивна и непосредственна для Наукограда. А здесь нет детей. Вернее, с физической точки зрения они есть, но даже ранние подростки рассуждают по-взрослому. Они много читают, с лёгкостью берут интегралы и расшифровывают длинные генетические коды, но их сложно представить частью шумных весёлых компаний, которые пугали ночь в юности самого Огnea. Марина другая. Она словно вышла из прошлой жизни. При этом леди Гамильтон слишком умна, воспитанна и утонченна для внешнего мира. Однако мир этот любит.

Потому и не подходит на роль ловца. Огней и его подопечные делят внешнемиворцев на три части. Первым – перспективным парням и девушкам вроде Сэлы – можно позволить жить на нижних ступенях Наукограда. Вторых – учёных уровня Ирвинга, по каким-то причинам не попавших под купол двадцать лет назад, – планируется сделать первыми жителями следующего Наукограда, под который на полуострове уже и территория расчищена. А третьи – обдолбы. Их большинство. Людей первых двух категорий приходится выискивать и отбирать с особой тщательностью.

А Марине дай волю, запрудит Наукоград всякими Динами.

Но пусть лучше запрудит, чем совсем не вернётся. Нет уж. Если понадобится, он сам её вернёт. Притащит за волосы. Прямо сейчас.

Огней бросился к воротам. И успел как раз к моменту, когда дежурный заканчивал доклад об их блокировке.

– Мне нужно выйти!

– Ворота закрыты. Приказ Мартина Брута.

– Но их должны были заблокировать только в одиннадцать вечера.

– Ничего не знаю. Приказ сверху.

– Откройте. Я – старший ловец, Огней Корсан!

– Простите. Приказ Мартина Брута – не выпускать никого.

Огней ударил кулаком по воротам.

Когда они вышли из дома, уже начинало смеркаться.

Марина куталась в Динову куртку – насколько же здесь холоднее, чем в Калиере, – и старалась идти быстро, Дин сосредоточенно сопел. Доехали до площади, свернули в подворотню – одну, другую. Вот наконец гостиница, а за ней – пустырь и станция монорельса. Марина разулась и побежала по траве. Дин ковылял следом.

– Солнышко. Обуйся!

– Мне так удобно.

– Исколешь ноги. Здесь тебе не Наукоград чистенький.

– Переживу. Я очень люблю ходить босиком.

– А я хочу, чтобы ты обулась.

– Да замолчи ты! Ай!

Босой палец наступил на колючку, Марина запрыгала на одной ноге, потеряла равновесие, упала на траву. Дин присел рядом. На удивление, не сказал ничего типа: «Я же тебе говорил!» Спросил лишь:

– Ушиблась? Обними за шею – донесу до станции.

Она подняла взгляд. Алый диск солнца угрюмо полз к горизонту. Стало вдруг трудно дышать.

– На заре. На которой из двух?

– Любимая, ты в порядке?

– Знаю, умру на заре! – Ястребиную ночь
Бог не пошлёт по мою лебединую душу.

– Сонц, ты чего?

Марина смотрела в пустоту, а там...

...

Нет ничего.

Ни пустыря, ни вагона, ни Дина... Дина... Кто такой Дин? Его нет. Никого нет.

Тишина и бескрайнее бесцветное нечто.

И ничтожная капля энергии в нём. Маленький сгусток жизни.

Обрывки мыслей чёрными червячками попытались пролезть в девственное ничто, заставив на жалкий миг пошатнуться, испугаться.

О-о-о-отецццццц.

Мо-о-о-о-йо-о-о-о-о ди-и-и-и-итя.

Дин-дилинь-ди-и-и-ин.

Что? Кто посмел? Кыш отсюда. Вечность не терпит суеты. Вечности не нужны непрошеные гости. Тишина, и покой, и пустота, исконное безмерное ничто.

Только они
по-настоящему
прекрасны,
только они
в этой жизни
имеют смысл.
Шаг за шагом.
Глубже и глубже.

...

– Солнышко? О... о... о...

Динарию никто не ответил. Отвечать было некому.

Спрашивать, впрочем, тоже.

Глава 4

Светлый мир завтра

Хрясь! Сухой чурбак развалился надвое под восторженный девичий крик. Хрясь! И ещё раз пополам. И ещё. Руслан ловко уложил свеженькие, пахнущие смолой дрова в горку, покосился на соперника. Тот заметно отставал. Молодой ещё, слишком размахисто рубит, не бережёт силы. А сила никогда не заменит мастерство. Руслан установил следующий чурбачок – хрясь!

Праздник Труда он любил, пожалуй, более всех прочих, больше даже, чем Начало, которое по традиции отмечали в день весеннего равноденствия. Лето уже наступило, но нет пока изнуряющей жары. Тёплый вечер медленно опускается на озеро, на большую поляну у берега, на лес, на сады Наукограда. Разумеется, это не тот Наукоград, что сто лет назад построили предки. Калиера вновь превращена в заповедник, в живой музей прошлого. Новый город стоит в самом центре полуострова, там, где отроги горных кряжей уступают место равнине.

Да, Праздник Труда Руслану нравился. Воздух пропитан запахами свежескошенной травы, древесного угля, ароматами готовящихся яств. Стук топоров и звон молотков, музыка, песни, весёлые голоса, смех заполнили поляну от края до края, расплескались по лесным опушкам, по мелкой прибрежной воде. И усталость – та особенная физическая усталость, что заставляет ныть мышцы и делает удивительно светлой голову. «Труд создал из обезьяны человека. Отказ от труда превратил человека в обдолба» – эту великую мудрость каждый помнит со школьной скамьи. Ведь недаром Враг, решив уничтожить человечество, прежде всего внушил людям отвращение к труду. Созданные Врагом разумные машины сначала заменили человека на заводах и фабриках, на фермах и в теплицах. Затем – в чиновничьих кабинетах и в научных лабораториях. Затем – везде...

На счастье, последнее удалось предотвратить. Технологии Врага давно уничтожены и запрещены к воспроизводству. Теперь люди не уступали машинам ни пяди своей привилегии – работать. И прежде всего – руками. Каждый умел что-то делать и стремился умение своё довести до совершенства. Плотничать или слесарничать, готовить блюда или вышивать гладью, танцевать или петь, писать картины или сочинять стихи – колоть дрова, наконец! – любой труд почётен и прекрасен. Любой достоин уважения и поощрения. В Праздник Труда лучшие из лучших соревновались между собой. Сама победа тут становилась высшей наградой. Но было и ещё одно правило, неписаное, – кто-то из зрителей должен исполнить желание победителя. Любое!

Руслан считался непревзойдённым дровосеком. Вот уже три года он носил этот титул. И сегодня не собирался его уступать.

Хрясь! Хрясь! Соперник сообразил, что проигрывает, замахал топором изо всех сил. И сделал себе только хуже. Удары получались неточными, лезвие застревало в древесине. А у Руслана осталось меньше полудюжины кругляшей.

– Руслан, Руслан! – неистовствовали болельщики. Вернее, болельщицы.

Вокруг толпились в основном девчонки, глазели на мускулистые, блестящие от пота торсы дровосеков. Оно и понятно: все знали, какое желание загадывал чемпион в прошлом году и в позапрошлом. И каждая хотела бы его исполнить.

Хрясь! Дрова улеглись в поленницу.

– Руслан! Руслан!

– Михо! Михо! – старается перекричать группа поддержки соперника.

Куда там! Парень выронил топор от излишнего рвения. Бедолага.

Хрясь! Всего три кругляша осталось. У соперника – вдвое больше. Нет, не догонит.
– Руслан, давай!

– Михо, пожалуйста, родненький!

Не успеть парню. Руслан приладил последний кругляш. Двигался нарочито медленно, позволяя сопернику сократить дистанцию, чтобы поражение не выглядело таким обидным. Колоть дрова парень мастак, силён, ловок, с топором управляется играючи. Но с чувствами совладать не может, больно азартен.

Оттого и проиграл. Хрясь!

Всё же парень был настоящим мастером. Не бросил топор, едва Руслан уложил в горку последнее полено, и болельщицы взорвались победными овациями. Доколот оставшиеся два чурбака. Руслан подождал, пока соперник справится с делом, подошёл, крепко, по-мужски, пожал руку, похлопал по плечу.

– Молодец! Уверен, в следующем году победа будет за тобой.

И повернулся к зрительницам.

Возгласы вмиг затихли. Некоторые девушки, кажется, и дышать перестали. «Меня, меня выбери», – умолял по крайней мере десяток лиц. И все как на подбор, милые, красивые, юные. Вполне желанные. Сполохи ближних костров добавляли щёчкам румянца, заставляли блестеть глаза. Или причиной тому затаённая страсть?

Руслан перевёл взгляд на тех, что стояли во втором ряду, остановился на высокой круглолицей красавице и приподнял удивлённо бровь. Вот уж кого не ожидал здесь увидеть. Но сомневаться не приходилось – это она. Пухлые губы, копна медно-огненных волос. Себя Руслан тоже причислял к рыжим, но его рыжинка терялась совершенно рядом с пылающим пожаром на плечах женщины.

Руслан улыбнулся, молча указал пальцем. Женщина с деланой покорностью поклонилась:

– Чего пожелает мой чемпион?

– Тебя, разумеется.

Вздых разочарования прошелестел по толпе. Но его тут же сменили смех, возгласы. Кольцо зрителей распалось, к Руслану подскочили почитательницы – хотя бы притиснуться, обнять, поцеловать в щёку. Лишь минут через десять ему удалось высвободиться.

– Привет, Хала!

– Привет, Руслан. Поздравляю. Я знала – ты всегда лучший.

– Не преувеличивай. Я просто хорошо умею колоть дрова.

– Конечно. А в свободное от колки дров время ты чем занимаешься?

– Да так, на побегушках у Совета. Инспекционные вояжи по ЭП, организация охотничьих экспедиций.

– Ого! Ты, должно быть, пользуешься особым доверием у Лорда Байрона?

– Должно быть. Ладно, хватит обо мне. Напомни лучше, сколько мы с тобой не виделись?

– Четыре года, наверное? Да, четыре.

В детстве они жили по соседству, на западной окраине Наукограда – черепичная, с золотым петушком на маковке крыша коттеджа её родителей видна была с того места, где они сейчас стояли, возвышалась над кронами персиков и нектаринов. Хала всего на два года старше Руслана и какое-то время даже была его сводной сестрой. Позже, в годы юношеских любовных опытов, она стала его первой девушкой, затем – первой женщиной. Потом, как обычно случается, жизнь развела их. Хала всегда была симпатична Руслану. И в детские годы, и когда повзрослела. Нравилась и сейчас, пышной огненноволосой красавицей. И раз уж достался ему такой приз, отказываться от него он не собирался.

– Так какими судьбами к нам? Ты ведь...

Руслан недвусмысленно окинул взглядом одежду подруги: юбка из двух прямоугольных кусков материи, скреплённых поясом, блуза с таким откровенным декольте, что она скорее не прикрывала, а выставляла напоказ грудь женщины. И ноги обуты в хитроумную плетёнку из серебристой кожи, тогда как наукоградцы предпочитали летом ходить босиком.

– Да, куратор Либертии. – Хала вновь поклонилась. – Назавтра Совет пригласил меня сделать обзорный доклад. А потом старший куратор жаждет приватно побеседовать.

– Что от тебя хочет Лорд? – с деланой ревностью в голосе спросил Руслан.

– Кто ж его знает? Мысли старшего куратора неисповедимы. Зато сегодня вечером я совершенно свободна!

– Вот уж нет. Сегодня вечером ты моя раба. Назвалась груздем – полезай в корзину.

– О да, не смею перечить, повелитель! – прыснула Хала. – И чего возжелает владыка моих души и тела?

– Прежде всего владыка возжелает смыть с себя пот и грязь. А затем...

Руслан запнулся, не услышав, а скорее ощутив, как разом стих гомон на поляне. Повинуясь общему порыву, посмотрел вверх.

Солнце почти село, лишь краешек его выглядывал из-за горизонта. Небо стало алым. Тонкие тучи выстроились спиралью, казалось, над людьми разверзся гигантский водоворот. И каждый виток спирали был ярче предыдущего: от бледно-розового в середине до огненно-багряного по внешнему краю.

– Красота... – только и нашёл что сказать.

– Да... Знаешь, когда смотришь вот так, кажется, что мы и есть центр Вселенной.

– Почему бы и нет? В пределах локали нашей планеты это бесспорная истина.

Хала подошла, обняла, прижалась лицом к щеке.

– Я потный и вонючий, – предупредил Руслан.

– Трудовой пот не воняет. Так что ещё возжелает мой чемпион? – Хала игриво прищурилась. – Посидеть у костра кулинаров, утолить голод?

– Нет, не угадала. – Руслан покачал головой. – После купания мы пойдём напрямиком в мой коттедж. Не будем зря растраниживать время. Помним, что оно – драгоценнейшее из ресурсов. К тому же завтра на рассвете мне вылетать в командировку.

– Инспекция? Не по нашу ли душу, случаем?

– Нет, твоё поселение мне пока не доверяют. Я в Феминию.

– Бедненький, я тебе сочувствую! К такой поездочке в самом деле нужно подготовиться как следует. Только зачем же нам коттедж?

Хала засмеялась и указала на ближайшую лесную опушку:

– Посмотри, там не хуже. И романтичней!

Руслан удивился.

– Боюсь, сегодня нам не позволят уединиться. Весь Наукоград гуляет.

– Что из того? Кто нас осудит? Любовное соитие тел – это ведь тоже труд. Пусть смотрят.

Руслан едва удержался, чтобы не почесать в затылке. Однако быстро базовые установки ЭП въедаются в подсознание живущих там не только по праву рождения, но и по долгу службы. Четыре года назад Хале и в голову не пришло бы предложить подобное. Забавно.

– Ладно, пошли искупаемся, а там видно будет. У нас вся ночь впереди.

Порыв ветра бросил в лицо солёные брызги, парус громко хлопнул над головой. Руслан повернул штурвал ещё на десять градусов, положил яхту в крутой бейдевинд. Мускулы приятно ныли после вчерашних соревнований – с топором и тех, что состоялись чуть позже, ночью. Не на лесной опушке, разумеется, а в мансарде коттеджа. Праздник Труда удался на славу. Хала в чём-то права: секс – это физический труд, весьма приятный и требующий

своего мастерства. Так почему бы не ввести его в программу соревнований? В Либертии, например, включили. Хотя в Либертии много странного для неподготовленного человека. Как и в любом экспериментальном поселении.

Белая пена вскипала под килем, солнце, поднявшееся на ладонь над горизонтом, играло нестерпимо яркими бликами на тихой, выглаженной штилем зеленоватой воде. А если обернуться, взглянуть вдаль, море набирало густую синеву. И невозможно было понять, отчего его называли Чёрным.

Яхта обогнула рыжий скалистый выступ. Прямо по курсу открывалась небольшая бухта. Устланная крупными гольшами полоска пляжа, крутые обрывы берегали её с трёх сторон. Идеальное место, чтобы инспектор Управления сделал короткую остановку перед началом трудного и ответственного задания. В конце концов, побывать на побережье и не окунуться в море – грех непростительный. Дальше будет посёлок, являться неглиже к его обитателям не стоит. Так что только здесь.

Однако бухта, вопреки ожиданиям, оказалась занята. Руслан с удивлением различил на плоском, гладко вылизанном море валуне две человеческие фигуры. А вон и третья – приподнялась, смотрит на яхту, приставив ладонь козырьком ко лбу. Он не заметил их в первую же минуту только потому, что тела людей были загоревшими до черноты, сливались с тёмно-бурыми валунами. Три женщины загорали под ласковым утренним солнцем. Очень интересно. Кто они и откуда здесь взялись?

Женщина, разглядывающая яхту, поднялась во весь рост. Что-то сказала подругам, те повернули головы. Одна и вовсе села, поджав ноги. Все трое были крепкими, подтянутыми, отлично сложенными, молодыми. Правильнее не женщинами их называть, а девицами. Кажется, красивые. Впрочем, чтобы рассмотреть лица, расстояние было ещё великовато, а идти в каюту за биноклем Руслан поленился. Не похоже, что эти подруги из Наукограда. Да и откуда им здесь взяться? Ни на берегу, ни на воде трансформа он не заметил. Значит, из Феминии пришли?

Руслан слишком увлёкся, рассматривая пляжниц. Парус резко хлопнул, потеряв ветер в закрытой со всех сторон бухте, заполоскался. Яхта взбрыкнула, дёрнула носом, опрокинув своего капитана на спину. На берегу засмеялись.

Руслан вскочил, убрал парус. Яхта скользила, замедляя ход. Когда стали различимы лежащие на дне камни, Руслан развернул лодку бортом к берегу, сбросил якорь. Лишь после этого вновь взглянул на девиц. Не удивился бы, обнаружив, что они исчезли.

Но пляжницы и не думали уходить. Две сидели на валуне, внимательно и насторожённо следили за происходящим. Третья подошла к самой кромке воды. Тёмные волосы подстрижены под короткое каре, правильный овал лица, брови вразлёт, пухлые губки, на щеках – крохотные ямки. Красивая. И фигура под стать – в меру крутые бёдра, длинные сильные ноги, плоский живот, грудь не такая уж и маленькая, но упругая. Подруги тоже ничего. Но эта особенная. Почти эталон женской привлекательности.

– Доброе утро, девушки! – Руслан помахал рукой.

– Привет. – Стоявшая у воды чуть улыбнулась.

Зато её подруга, светловолосая, с блестящими колечками по всему телу, быстро вскочила, прикрикнула сердито:

– Плыви, откуда явился! Здесь наша территория. Для самцов вход заказан!

В самом деле из Феминии.

Можно было запускать мотор и уматывать из бухты – искупаться в своё удовольствие не получится. Но Руслан к работе относился дотошно, потому уплывать не спешил. Для начала опустился в каюту, сверился с картой. Снова поднялся на палубу, внимательно оглядел склоны горы. По всему получалось, что граница посёлка проходит по гребню, отделяющему эту бухту от следующей, на берегу которой Феминия, собственно, и расположилась. И

стало быть, подружки никак здесь оказаться не могли. Следовательно, прореха в мембране? Нет, скорее размывка.

Все три девушки поднялись на ноги, две стояли поодаль, а брюнетка всё там же, у кромки воды. Наготы ни одна не стеснялась. Да и понятно, стыд обнажённого тела в воспитательную программу этого посёлка не заложен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.